

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему

«Инвективная лексика в политическом шоу «Соловьёв LIVE»

Студент

Н.А. Горбунов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат филологических наук, доцент О.Д. Паршина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические аспекты выявления и научного описания инвективной лексики	8
1.1 К вопросу об объеме понятия «инвектива».....	8
1.2 Типология инвективной лексики	21
1.2.1 Тип и лексико-тематические группы.....	21
1.2.2 Коммуникативные функции	25
1.2.3 Стилистические словарные пометы.....	30
1.3 Контекст употребления инвективной лексики	34
Глава 2 Анализ инвективной лексики в политическом шоу «Соловьёв LIVE».....	40
2.1 Тематические группы инвектив в речи Владимира Соловьёва .	40
2.2 Коммуникативные функции инвектив в речи Владимира Соловьёва.....	48
2.3 Стилистические особенности инвектив в речи Владимира Соловьёва.....	54
Заключение	60
Список используемой литературы и используемых источников.....	64
Приложение А Сокращения и расшифровка типовых и стилистических маркеров инвективной лексики	71

Введение

Термин «инвективная лексика» в современном языкознании применяется не так часто, как его синонимичное понятие «инвектива». Тождественность этих определений в среде лингвистики подвергается сомнению, однако учёные в своих трудах из-за неимения близких по смыслу альтернатив вынуждены ставить между ними знак равенства. Несмотря на то что под «инвективой» подразумевают речевой/литературный жанр, а под «инвективной лексикой» – категорию слов/выражений, оба определения успешно заменяют друг друга при подготовке лингвистической экспертизы.

Выполняя лингвистический разбор текста, в котором содержатся инвективные лексемы, эксперты сталкиваются с трудностью относительно того, какие именно слова или фразы следует причислять к «инвективным» (уничижительным). Их запас с каждым годом пополняется, обретая новые формы выражения. Из-за экспрессивности и неоднозначности слов порой сложно определить границу между инвективой и просто эмоциональной окраской высказывания [27].

Лингвистическая экспертиза, основанная на словарях, не гарантирует, является ли то или иное произнесенное выражение «инвективой», поскольку дефиниций самого термина существует значительное количество [16]. Эксперты при проведении анализа текста ссылаются на классификации оскорблений, описания которых в различных трудах отличаются. Пометы, представленные в лексикографических источниках, служат надёжными маркерами, помогающие обнаружить стилистически сниженную инвективную лексику. Однако в специальных словарях по нелитературной лексике, как и в словарях литературного языка, система стилистических помет может существенно различаться. На сегодняшний момент у экспертов отсутствует единая методология анализа инвективной лексики, а также её унитарная и удобная система описания [1]. Кроме того малоизучена специфика инвектив в

речах публичных персон, что говорит об **актуальности** выбранной темы исследования.

В конце XIX – начале XX века инвективная лексика перестала быть табуированной в журналистском дискурсе. Нынешняя медиасфера и вовсе изобилует скандалами на почве противоречивых реплик и оскорблений. Один из ведущих журналистов России Владимир Соловьёв известен уничижительными выпадами в публичном пространстве, обращёнными в адрес оппонентов или несогласной части аудитории. Его деятельность содержит внушительный багаж языкового материала, который может послужить для нас предметом исследования, а также основой для создания собственной методики анализа и выявления инвектив.

Данная работа посвящена рассмотрению и описанию инвективных высказываний журналиста Владимира Соловьёва. Необходимый для анализа языковой материал был отобран из публичных выступлений журналиста на YouTube-каналах «Соловьёв LIVE» (данное интернет-СМИ на момент последнего обращения – 30 апреля 2022 года – заблокировано администрацией Google) и его аналоге «РОССИЙСКИЙ LIVE».

Целью данного исследования является анализ инвективной лексики в публичных выступлениях журналиста Владимира Соловьёва.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

– рассмотреть различные подходы к описанию термина «инвективная лексика»;

– изучить все имеющиеся систематизации инвектив по типу и лексико-семантическим группам в научных трудах;

– проанализировать группы помет в словарях XXI века и на их основании классифицировать инвективные лексемы;

– описать медийный контекст уничижительного лексикона, употребляемого Владимиром Соловьёвым;

– на основе полученных выводов провести анализ отобранного языкового материала.

Объектом исследования выступает инвективная лексика как воздействующий на оппонента или аудиторию инструмент общения.

В качестве **предмета** исследования выбраны инвективная лексика, использованная в политическом шоу «Соловьёв LIVE» журналиста Владимира Соловьёва.

В ходе работы использовались следующие **методы**: сравнительно-сопоставительный метод (выделение специфики инвективной лексики), контент-анализ (отбор языкового материала на основе выступлений Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете), структурно-описательный метод (классифицирование инвективной лексики на основе результатов теоретической части).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Инвективные высказывания рассматриваются как словесное нарушение этики, совершаемое путём злоупотребления грубыми, табуированными, агрессивными, ненормативными словами и выражениями.

2. Инвектива как тип речи, в отличие от нецензурной брани и оскорбления, не имеет законодательного регулирования и преследуется по закону лишь в том случае, если выражается в открытой оскорбительной форме.

3. Инвектива признаётся оскорблением тогда, когда экспертом в контексте высказывания приводятся факторы: оскорбительной функции, неприличности высказывания, наличия факта унижения, умышленности деяния.

4. Для комплексного описания инвективной лексики необходимо учитывать её тип, принадлежность к определённой тематической группе, стилистическую особенность, цель в процессе коммуникации, а также контекст употребления высказывания.

Теоретическая база сформирована из трудов отечественных и зарубежных исследователей по грубой лексике и её инвективному влиянию (Жельвис В. И., Мокиенко В. М., Посиделова В. В., Демидов О. В., Письменный Е. В., Позолотин А. Ю., Ерофеева Е. В.). Были рассмотрены научные материалы по лингвистическому анализу текста (Бринев К. И., Гальперин И. Р., Баранов А. Н., Симонов А. К., Горбаневский М. В., Жарков И. В.), а также словари, которые имеют пометы, маркирующие инвективные номинации (Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи, Большой академический словарь русского языка, Большой толковый словарь русского языка, Словарь русского языка С. И. Ожегова, Словарь современного русского литературного языка, сборники серии «Новое в русской лексике» и другие).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём представлен подход к описанию инвективной лексики в речи медиаперсоны.

Практическая значимость работы заключается в использовании результатов исследования филологами при анализе спорных текстов. Приведённый во второй главе алгоритм описания инвективной (оскорбительной) лексики может использоваться при проведении лингвистической экспертизы.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (2020 и 2021 гг.), на Научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» (2021 год), на VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки» (2022 год).

По теме исследования опубликованы статьи:

1. Горбунов Н. А. Инвективная лексика в выступлениях журналиста В. Соловьёва на YouTube-канале «Соловьёв Live» // «Молодежь. Наука. Общество» – 2020 : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 25 декабря 2020 – 29 января 2021

года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2021. С. 337-340.

2. Горбунов Н. А. Инвективная лексика как форма публичного порицания на примере выступлений журналиста В. Соловьёва // Студенческие Дни науки в ТГУ – 2021: научно-практическая конференция (Тольятти, 5-30 апреля 2021 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2021. С. 129-133.

3. Горбунов Н. А. К вопросу об объёме понятия «инвектива» // «Молодежь. Наука. Общество» – 2021 : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 20 декабря 2021 – 16 января 2022 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2022. В печати.

4. Горбунов Н. А. К вопросу о роли стилистических помет при описании инвективной лексики // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы VIII Международной научно-практической конференции. (г. Уфа, 29 апреля 2022 г.) / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. В печати.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические аспекты выявления и научного описания инвективной лексики

1.1 К вопросу об объеме понятия «инвектива»

Понятие «инвектива» восходит к античности. В древней Греции так обозначался литературный жанр, а точнее – одна из форм памфлета, высмеивающая или обличающая реального гражданина [21, с. 29]. Римская же инвектива (от лат. *uituperatio*) существовала ещё и как жанр риторики, который представлял собой целенаправленное словесное обвинение противника во время совещательных речей, судебных разбирательств, на римском сенате или народном собрании [48]. Целью его являлось систематическое и публичное неодобрение политического соперника, дабы отделить адресата сообщения от всего сообщества и настроить слушателей против него. Инвектива выражалась в эпиграммах, стихах, эссе, политических памфлетах и т.д. Она была тесно связана с современным термином «подрыв репутации», а функция заключалась в разоблачении гражданина. Римские законы не запрещали употребление инвективы, и, таким образом, постепенно она стала частью политической жизни Рима. «Словесным нападением» считались отсылки адресанта на привычки человека, его неправильное телосложение, неблагородное происхождение, одежду, умственную неполноценность и предполагаемые моральные недостатки [47; 51].

Речи, включавшие в себя инвективы, были продолжительными словесными боями без правил. Так называемые атаки *Ad hominem* – «к человеку» – рассматривались как законный способ убедить аудиторию и достичь политических целей. Инвектива вредила оппоненту, одновременно усиливала аргументы оратора, косвенно создавая идеальную модель, рассматривая что-либо или кого-либо вне этой модели как вредное или угрожающее.

Цицерон, римский оратор и государственный деятель, сочинил риторические трактаты (*De Inventione* 2.177-178 и *Part. Or.* 82) и так называемую *Rhetorica ad Herennium* (3.10-15), которые кодифицировали римскую инвективу как принадлежащее к эпидейктическому ораторскому искусству (*genus demonstratiuum*) наряду с его аналогом похвалой (*laus*). В этих трактатах выделяются три основные категории инвектив: 1) *внешние обстоятельства* (*res extraneae*), которые включают рождение, образование, богатство, власть, достижения и гражданство; 2) *физические атрибуты* (*res corporis*), такие как внешний вид, здоровье, скорость, сила и слабость. 3) *качества характера* (*res animi*) – мудрость, справедливость, мужество и сдержанность [49; 50; 55].

Обширный анализ ораторских выступлений Цицерона позволяет составить более точный список инвективных тем: унижительное семейное происхождение; недостойный родственник; отвратительная физическая внешность; эксцентричная или чуждая одежда; обжорство; пьянство; сексуально девиантное поведение; роскошь; ораторская неумелость; коррупция; скупость; алчность; разбазаривание своего имущества; разграбление частной и общественной собственности; финансовые затруднения; лицемерие; трусость; высокомерие; нечестие; насилие; жестокость и, не менее важное: стремление к тирании [51; 56; 57]. Эти исторические примеры часто использовались в публичном обращении как инструменты для похвалы и порицания. Таким образом, порицание имело обличительный характер, дополняло аргументы обличителя, влияло как на репутацию адресанта, так и адресата, и главное – являлось формой стилистически сниженной лексики.

Сегодня учёные определяют понятие «инвектива» либо как тип речи, либо как литературный жанр. В первом случае имеется в виду языковой феномен, во втором – литературный, входящий в сферу культурологии. Рассмотрим каждое по порядку.

Культурологи определяют инвективу как «культурный феномен социальной дискредитации субъекта путём адресованного ему текста» [31, с. 77]. Данная формулировка отсылает нас к античному памфлету и римским словесным схваткам, поскольку предполагает схожую с ними функцию – подрыв авторитета. Причём в этом случае изобличение должно быть адресовано в форме текстового материала, что так же роднит культурологический тезис с греческой и римской инвективами.

Инвектива как жанровая категория была разобрана в материале С.А. Матяш «Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса». В нём автор выявил следующие признаки: 1) «повышенная эмоциональность, питающаяся осуждением лиц или явлений действительности – отсюда ораторский тип интонации»; 2) «присутствие адресата, создающий субъектные отношения «я – ты (вы)»»; 3) «настоящее время, переходящее в будущее, – обвинение бросается как бы в лицо обвиняемому»; 4) «личная форма высказывания»; 5) «композиционное развертывание обличения по принципу амплификации» [35, с. 17]. Эти свойства особенно характерны для классических литературных произведений, в которых инвективные лексемы изначально были внесены авторами неосознанно или наоборот, сознательно, но при этом, внося их, они не подозревали о силе воздействия.

Н.Д. Голев в своих трудах часто отзывается об «инвективах» как о синонимах речевого жанра ссоры. В качестве примера он приводит художественный стиль В.М. Шукшина. Язык в книгах советского писателя простой и «обыденный», потому грубые реплики и диалоги его героев воспринимаются убедительно. Таким образом, Голев рассматривает «инвективы» как один из способов художественного оформления речи персонажей [7, с. 156-157].

Область исследований жанровой категории понятия находится в пределах работ, где авторы, применяя вышеуказанные характеристики,

анализируют литературные произведения, поэтому для понимания термина можно ограничиться этими двумя примерами.

Инвектива же как тип речи – понятие более широкое. От латинского *investiva* – «бранная речь», то есть употребление устоявшихся слов и выражений в общении, нарушающих нормы общественной морали. В этом случае коммуникация проявляется в агрессии к участникам общения и в нарушении этических правил путём употребления табуированных лексических единиц и узуально-неприемлемых грамматических форм.

Доктор филологических наук и один из первых исследователей феномена инвективной лексики В.И. Жельвис в своих монументальных работах создаёт образ «инвективы» как словесной формы оскорбления личности адресата. Однако мы не можем быть согласны с таким утверждением, поскольку сам Жельвис, много лет разбирая вопрос определения термина «инвективная лексика», в разные годы давал отличающиеся формулировки. В научных трудах 90-х гг. он приравнивал инвективный выпад к сквернословию, называя такое речевое явление «оскорбительным обращением» [12, с. 11-14]. Ученый полагал, что степень воздействия «инвективы» напрямую зависит от степени стресса адресанта: он может пребывать в катарсисе или иметь цель прямого обличения. Тем не менее, чёткого разграничения инвективы и системы её употребления в речи у лингвиста на тот момент не было. Лишь позже в своей работе «Грубость: проблема классификации лексики» он предложил объединить под «инвективой» все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии, понимая это слово широко, не только в значении «выпада», но и «употребления любого слова, которое может восприниматься в бранном смысле и быть направлено как на другого человека, так и на самого говорящего» [11, с. 75]. Также Жельвис разграничил содержательную сторону понятия до его масштабного и локального понимания. В первом случае инвективу стоит воспринимать в виде словесного нарушения этики, совершаемое путём злоупотребления нецензурных и непечатных слов. Во

втором случае – в виде «способа существования словесной агрессии, воспринимаемого в определённой социальной подгруппе как резкий или табуированный».

Концепция А.Ю. Позолотина в целом схожа с точкой зрения Жельвиса: он тоже видит в «инвективе» разновидность ругательства. Ученый делает такой вывод, основываясь на семантическом разборе обличительных высказываний, которые выражаются в речи либо эксплицитно, либо метафорически [32, с. 9-10].

В сборнике «Словарь иностранных слов. Актуальная лексика, толкования, этимология» под редакцией Р.С. Кимягаровой, Н.С. Араповой даётся самое узнаваемое определение понятия, на которое чаще всего ссылаются авторы научных трудов: «резкое, оскорбительное публичное выступление против кого-либо, чего-либо, оскорбительная речь, выпад, направленный на понижение социального статуса адресата и оформленные языковыми конструкциями с открытой негативной оценкой» [38, с. 93]. С нашей точки зрения, приведённая формулировка не даёт чёткого понимания, какие высказывания являются инвективными, и чем они отличаются от «обычных» оскорблений. Если углубиться в труды, которые её цитируют, то почти все указывают на интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить или опозорить собеседника. Это делается с намерением выразить обращение в наиболее «уничижительной, резкой и циничной форме» (адресант редко прибегает к относительно «приличным» выражениям – эвфемизмам, например, вполне литературным) [34, с. 75]. Подобной речи свойственна экспрессивная окраска и грубая оценка, а главной функцией является оскорбление и словесное унижение адресата в публичном пространстве.

Мы не можем всецело согласиться с этими тезисами, поскольку инвективная лексика свободно применяется в СМИ и не преследуется по закону наравне с такими правонарушениями как «оскорбление» или «клевета». Будет ли обращённая к адресату брань уничижительной также

зависит контекста употребления. Кроме того, инвектива способна не содержать бранной семантики как таковой. Нейтральные или вовсе литературные слова в совокупности могут иметь инвективный подтекст. Такого рода лексика близка к перформативам: высказывания являются одновременно и поступком, и действием. Инвективы объединяются в «конкретный тип сообщений не только стилистическими признаками, но и выражением глубинных обстоятельств» [24, с. 78].

В журналистском дискурсе инвективная лексика употребляется не столько как способ эмоционального доминирования, сколько как орудие политической борьбы. Из этой функции в медийном диалоге вытекают частные разновидности, такие как обвинение, дискредитация, унижение, деморализация оппонента, и не всегда они совершаются умышленно. Инвективный коммуникативный акт может стать всего лишь ответной эмоциональной реакцией в споре. Исходя из этого можно определить, что инвектива бывает двух видов: 1) непровольная, неконтролируемая эмоциональная реакция; 2) сознательное намерение унижить противника с целью продемонстрировать своё доминирующее положение [9, с. 93].

Чтобы выразить отрицательное отношение к предмету речи, журналисты в своих текстах и телевыступлениях часто прибегают к *порицанию* [10, с. 96]. Порицание – это одна из эксплицитных форм инвективной агрессии. И.Г. Дьячкова считает порицание формой высказывания, в котором «говорящий выражает отрицательную оценку поступка (поведению) собеседника, рассчитывая вызвать его отрицательную эмоциональную реакцию» [36, с. 112]. Следовательно, порицание является одним из основных типов речевой агрессии в межличностном общении. Е.М. Верещагин определяет данный термин как выражение неодобрения, осуждения, и выделяет разные типы порицания в зависимости от степени их воздействия на адресата: «1) малая степень – это *упреки* («Ты опять врешь?!»); 2) соразмерно интенсивная степень – это *обличение* («Это ты сделал?!»); 3) излишне интенсивная степень – это *распекание* («Ты что, тупой?!») [20, с. 17].

Согласно немецкому специалисту по немецкому языку Францу Хундснуршеру, инвективы – это травмирующие речевые акты, которые являются составной частью аргумента коммуникативного события [54, с. 372]. Это означает, что инвективы не являются отдельными речевыми актами, но всегда включаются или инкорпорируются в более широкое коммуникативное событие.

Как уже указывалось выше, инвективная лексика очень часто используются для унижения других людей. Аналогичное определение инвективы (уничижительного акта), включая использование обценной лексики, дано немецкими исследователями Акке, Хорншайдтом и Яной: «Инвективы понимаются как все языковые действия, которые могут иметь уничижительный эффект, имеют намерение унижить, «сбить» или дискриминировать кого-то. Вдобавок, инвективная лексика может быть воспринята с таким пониманием, если она используется в качестве лингвистического обращения» [46, с. 9].

Подводя промежуточный итог, стоит обобщить все вышеуказанные научные взгляды, выделить особенности «инвективы» с позиций узкого и широкого понимания термина, систематизировав, тем самым, различные подходы к его описанию (таблица 1).

Таблица 1 – Особенности инвективы в узком и широком понимании термина

Понимание «инвективы»	Суть понятия	Способ выражения	Функции
<i>Узкое</i>	Речевой, литературный жанр	Адресовано через подготовленный устный или литературный текст	Обличение, порицание, подрыв репутации, высмеивание
<i>Широкое</i>	Тип речи (речевое обращение)	Речевое эмоциональное обращение	Обвинение, дискредитация, унижение, деморализация оппонента

Теперь разберём примеры оценочных концептуализаций инвективной лексики в зарубежном языкознании.

Как отмечают иностранные учёные, понимание определения «инвектива» неосознанно проявляется в оценочных знаниях обычных носителей языка. Сложный феномен инвективной лексики метафорически концептуализируется в общественном сознании как «грязная/ругательная лексика», а потому оценивается негативно. Ещё в XIX веке братья Гримм отметили в предисловии к первому тому своего «Немецкого словаря» (*Deutsches Wörterbuch, DWB*): «Естественный язык сам по себе потенциально может быть одновременно тонким и грубым: в благородном языке грубый язык, а в грубом языке - благородные части; грубое и неочищенное может легко казаться нечистым и грязным (*sordidum, turpe*), мелкое - раздражительным и щепетильным (*ornatum, molle*) или непристойным (*lubricum*)» [53, с. 209].

Это заявление следует рассматривать как отказ от точки зрения немецкого просветителя Иоганна Кристофа Аделунга, который опубликовал свой словарь (первое издание 1774-1786 гг.) примерно за 80 лет до братьев Гримм. Аделунг намеревался убрать или, по крайней мере, проигнорировать все «грязные/недопустимые» слова, поэтому братья Гримм почти век спустя ответили ему с критикой: «Делить язык на возвышенные, благородные, интимные, подлые и вульгарные категории не имеет никакого смысла, и Аделунг прикрепил неправильные ярлыки к слишком многим словам. Он часто отрицал профессию исследователя языков, неоднократно повторяя: «Эти слова настолько злые, что они почти не имеют ценности, чтобы перечислять их»; он также не объединяет все эти типы вместе».

Тем не менее, следует отметить, что «грязный/уничижительный» лексикон действительно проявляется в оценочных концептуализациях говорящих. На протяжении веков он был и остается доминирующим оценочным понятием для обсценной лексики и инвектив. Исследователь Герман Нанберг в своей статье «Грязные слова/ругательства» [53, с. 210] представляет обзор того, как эти самые «грязные слова», являясь частью английского языка, понимались и оценивались в викторианскую эпоху

Великобритании. Интересно, что Нанберг утверждает, что присутствие «грязи» в языке может вызывать языковые «болезни».

Оценка бранных слов и инвектив как «грязь» с использованием процедур метафорической концептуализации (коротко: оценочной концептуализации) еще не полностью исчезла. По-видимому, считается самым собой разумеющимся, что в научном дискурсе эта оценочная концептуализация перенесена из лингвистического феномена в ментальную предрасположенность говорящих. Это подтверждено рядом недавних публикаций; например, Форментелли и Монти классифицируют «грязные слова и ругань» как определенную часть сленгового словаря [52, с. 171].

Однако другой исследователь Карьялайнен противоречит концептуализации нецензурных слов и инвектив в категорию «грязных», поскольку они все еще употребляются во многих литературных, политических, журналистских публикациях и существуют в общепринятом понимании языка. Он следует за отношением братьев Гримм к языку, утверждая, что: «грязь», связанная с руганью, сквернословием и неприличными выражениями, находится в нашем сознании, а не в языке или в самих словах. Таким образом, <...> изучение бранной, грязной, инвективной лексики справедливо так же, как и любое другое лингвистическое исследование» [53, с. 210].

Представление о том, что ругательства, оскорбления и инвективы являются «грязной» частью языка, как указал Нанберг, всерьез воспринималось как должное в Великобритании XIX века. Причинами этой фундаментальной оценочной концептуализации были попытки культивировать язык в ту эпоху, обратившись к определенным источникам, согласно которым весь инвективный язык характеризовался как «дегенеративный, вредный, эпидемический, инфекционный, болезненный». Другими словами, бранные слова и инвективы являются болезнетворными агентами в языковой культуре, которая страдает от сленга и других негативных вариаций. Таким образом, можно утверждать, что языковые

вариации – это болезни, оказывающие огромное влияние на общество и мышление. Тем не менее, это может привести к некоторым более метафорическим концептуализациям, касающимся социально или стилистически обусловленных языковых вариаций, в которых используются бранные слова и инвективы. Нанберг заявляет: «Сленг отличается от косноязычия двумя важными способами. Прежде всего, это нелегитимный язык, или «несанкционированный», как выражаются некоторые авторы; язык, который, казалось, оторвался от своего первоначального социального происхождения и остановился в какой-то чуждой разновидности или регистре» [53, с. 211].

Зачастую в зарубежном дискурсе инвектива базируется на концепте «угрозы». Тем не менее, инвективное обращение, которое понято, и, следовательно, концептуализировано в качестве «угроза», кажется неубедительным для ряда нынешних исследователей, поэтому сегодня бранные слова и инвективы группируют понятием «агрессивность». Это понятие более широкое по значению, чем «обычные» ругательства и оскорбления, которые могут выступать в разговоре формой «угрозы» и являться частью явления агрессивности. Исследователь Чекуолите также подмечает, что другая идея – «страх», по-видимому, также эффективно используется для оценочной концептуализации ругательств и инвектив: «Люди бросаются оскорблениями, чтобы получить власть и напугать оппонентов» [53, с. 212].

В то же время, похоже, что общая оценка ругательств и инвектив ориентирована не только исключительно на неприятие, неодобрение, презрение или опасность. В более поздних работах по лингвистике и переводоведению концептуализация, которая, несомненно, была бы положительно истолкована, звучит следующим образом: «бранные слова и инвективы подобны пряности». Концепция заключается в том, что ругательства нужно переводить, чтобы передать характер и/или

индивидуальность персонажей: пересыпание их речи случайными удачно подобранными инвективами часто делает своё дело.

Бранные слова и инвективы можно рассматривать как лингвистические средства юмора, и их можно было бы концептуализировать как таковые; с другой стороны, юмор – это нечто большее, чем его лингвистические детерминанты. Для понимания юмора или юмористических ситуаций необходимо учитывать культурные, социальные и поведенческие аспекты, а также характеристики коммуникативных ситуаций, событий, речевых актов и средств массовой информации. Фактическая роль ругательств и инвектив в создании и понимании юмора остается задачей для будущих исследований.

Можно сказать, что мы имеем интересные варианты возможных оценочных концептуализаций инвектив, но, тем не менее, всеобъемлющее понимание этого сложного явления в настоящее время кажется недоступным.

Далее рассмотрим понятие «инвектива» как правонарушение [8].

В юриспруденции имеется распространённый термин, обозначающий речевое явление, в структуре которого, как и в инвективе, присутствуют коммуникативный акт «адресант-адресат», агрессивное высказывание и иллокутивная направленность. Этот феномен записан в УК РФ (ст. 130) и КоАП РФ (ст. 5.61) как «оскорбление» – «унижение чести, достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Это деяние – уголовно-наказуемое, в то время как «инвектива» сама по себе не преследуется по закону, только если она не будет выражена в очевидно оскорбительной (бранной) форме. Под оскорблением изначально подразумевается бранное обращение, целью которого является умышленное намерение оскорбить, унижить, в то время как инвектива может быть выражена адресантом произвольно и в более приличной форме. Инвективной лексике помимо функции оскорбления присуще множество других функций: порицание, обличение, обвинение, осуждение, деморализация и т.д. Адресант будет преследоваться по закону в том случае, если будет доказана интенция оскорбить, что для экспертов порой бывает сложной задачей. Кроме того,

оскорбление можно совершить невербальным способом, в то время как инвективная речь – это чисто языковое понятие, и степень оскорбительности в данном случае определяется лингвистами, а не юристами [6, с. 24-40].

Не стоит забывать о контексте употребления и градусе уязвимости адресата. Один оппонент может оскорбиться от случайно брошенной «мягкой» фразы, а другой проигнорирует инвективу с высокой степенью оскорбительности.

К инвективным признакам на лингвистическом уровне специалисты относят следующие категории: агрессивный и властный (приказной) тон адресанта, использование личных местоимений, иронию. Очевидно, что они схожи с категориями жанра инвективы в литературе.

Также лингвисты указывают на то, что инвективным можно признать фразу, не нарушающую правил общественного этикета. К.И. Бринев выделяет два вида выражений инвективного типа: 1) «внелитературные, состоящие из жаргонизмов, диалектов и обценной лексики»; 2) «литературные высказывания, содержащие в себе вышеперечисленные категории обличения». Поскольку второй случай не имеет в своём составе грубых и уничижительных слов, инвективный посыл фразы в общении получится мягким [4, с. 99-102].

В таблице 2 представлен объем понятия «инвектива» в юридическом, лингвистическом, литературоведческом и культурологическом аспектах.

Таблица 2 – Особенности понимания инвективы в различных сферах научного знания

Понимание инвективы	Функция	Структура явления	Область исследования	Законодательное регулирование
<i>Оскорбление</i>	Оскорбить	Коммуникативный акт «адресант-адресат», агрессивное высказывание и иллокутивная направленность	Юридическая	Регулируется УК РФ (ст. 130) и КоАП РФ (ст. 5.61)

Продолжение таблицы 2

Понимание инвективы	Функция	Структура явления	Область исследования	Законодательное регулирование
<i>Жанр</i>	Высмеять, обличить	Коммуникативный акт «адресант-адресат», ироничное, сатирическое высказывание и иллокутивная направленность	Лингвистическая, литературоведческая, культурологическая	Не регулируется
<i>Тип речи</i>	Обличить, осудить, обвинить, деморализовать, оскорбить/унизить (в случае употребления типа инвективной лексики с высокой степенью распекания)	Коммуникативный акт «адресант-адресат», обличительное высказывание и иллокутивная направленность	Юрислингвистическая	Не регулируется

Таким образом, в первом параграфе мы рассмотрели многозначность термина «инвектива/инвективная лексика», обобщили его теоретические особенности в узком и широком понимании, систематизировали объём понятия в юридическом, лингвистическом, литературоведческом и культурологическом сферах.

Проведённый обзор научных формулировок позволил нам сформировать представления об инвективе как жанре, оскорблении и типе речи и обратить внимание на наиболее интересные работы, посвященные инвективной лексике и её семантическим классификациям, о которых и пойдёт речь далее. Приведённые в первом параграфе сведения помогут нам в ходе исследования, а именно войдут в алгоритм выявления и описания инвектив.

В рамках нашей диссертации мы останавливаемся на понятии В.И. Жельвиса: «Инвектива – словесное нарушения этики, совершаемое путём злоупотребления грубых, табуированных, агрессивных, ненормативных слов».

1.2 Типология инвективной лексики

1.2.1 Тип и лексико-тематические группы

Исследователи-лингвисты предлагают разные подходы к описанию инвективной лексики. В.В. Посиделова разделяет инвективные ресурсы в зависимости от типа предложенной на разбор лексемы: 1) мат, нецензурная лексика (обсценные номинации); 2) лексика со сниженной эмоционально-стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие): *торчок, баклан*; 3) грубо-просторечная (бранная) лексика: *сволочь, хамло*; 4) литературная лексика с негативной оценкой в презрительной модальности: *мымра, болван, паршивец, баран* [34, с. 14]. Остальные классификации по типу перенимают эту структуру с незначительными отличиями.

О.В. Демидов в актуальном труде по инвективной лексике в СМИ рассматривает это явление с позиции инструмента журналистской пропаганды. Он предлагает нестандартную классификацию, а именно разделение инвектив на следующие тематические категории: «бренные инвективы», «инвективные ярлыки», «инвективные вердикты», «средства диффамации», «ироничные» и «метафоричные инвективы», а также «устойчивые выражения» [9, с. 93]. Однако автор никак не систематизирует предложенные категории, не разъясняет их содержание и не приводит примеры инвективных номинаций, следовательно, концепции требуется доработка.

Затронем известные категории «уничужения». Уничижительные термины – это те, которые несут уничижительное содержание и характеризуются тем, что, используя их, говорящие обычно выражают своё негативное отношение, такое как ненависть, презрение, насмешка или снисхождение к лицам, обозначенным этими выражениями. Есть два основных класса уничижительных терминов. Первый состоит из существительных, таких как «придурак» и «баран», уничижительное содержание которых нацелено только на тех, для кого используется это существительное; мы будем называть этот класс уничижительным. Второй состоит из существительных, таких как «лягушка» – он используется как уничижительный термин для французов. Особенностью таких терминов является то, что уничижительное содержание нацелено не только на человека, к которому применяется это существительное в конкретном случае, но и на всю группу, к которой этот человек принадлежит (как, например, в случае с «лягушкой», все францужены); мы будем называть это классом оскорблений. Среди оскорблений есть шкалы вариации. Одна из них – это степень воспринимаемой агрессивности. «Лягушка», например, уничижительно, но не шокирующе – вряд ли кто-нибудь будет оскорблен упоминанием данного слова. С другой стороны, оскорбление «ниггер» настолько сильное, что его простое упоминание может уже расстроить некоторых читателей. Другая шкала вариации – тип целевой группы. Это может быть раса, этническая принадлежность, пол, религия, сексуальная или политическая ориентация. Существует ряд терминов, по которым непросто определить, будет ли их упоминание считаться уничижением или оскорблением. Например, «сука» и «шлюха» следует анализировать в контексте: их можно рассматривать как уничижительные слова, которые просто выражают негативное отношение говорящего к данному человеку, но в других случаях они выступают в качестве оскорблений, выражая уничижительное отношение ко всем женщинам как таковым. Также существуют номинации, которые не являются ни уничижительными, ни оскорбительными (например, «говнюк»).

При анализе текста с инвективной лексикой эксперты чаще всего опираются на описанные учёными тематические группы оскорблений, касающиеся внешности человека, интеллекта, характера и его этническую принадлежность. Вариаций семантических классификаций множество – расхождения зависят от авторского видения и личного понимания автором понятия «инвектива».

Среди российских лингвистов, которые предложили собственную классификацию инвектив, выделяется В.И. Жельвис. Исследователь тщательно проанализировал инвективные группы, характерные для подавляющего большинства языков, и классифицировал их по следующему тематическому основанию:

- «святотатство»;
- «ругательства, связанные с нечистотами»;
- «сексуальные оскорбления»;
- «оскорбления на расовой или национальной почве» [1, с. 87].

Данная систематизация – одна из самых ранних попыток разделить инвективы по темам, и потому, на наш взгляд, она получилась чересчур обобщённой. В ней, например, отсутствуют ставшие привычными в современном журналистском дискурсе «мягкие выпады» в сторону оппонента, касающиеся его отрицательных черт характера и «неправильной» внешности.

Среди семантических классификаций стоит выделить типологию Позолотина А.Ю., систематизировавшего лексико-семантические группы инвективов:

- отрицательные черты характера («жадина», «лицемер»);
- заболевания и нестандартная внешность («косой», «хромой»);
- интеллектуальные недостатки («тупой», «дурак»);
- отрицательные характеристики поведения («расист», «мошенник»);
- отрицательные характеристики образа жизни («гулящая», «бандит»);
- уничижительное название человека («гнусный тип», «гадина»);
- вредные привычки («алкаш», «нарик»);

- неопытность («молокосос», «зеленый»);
- эмоциональное состояние («припадочный», «псих») [32].

В данном подходе систематизация получилась чересчур подробной. На наш взгляд, она разделяет те темы, которые следовало бы соединить в единую группу. Например, «черты характера» человека так или иначе влияют на его «отрицательные характеристики поведения», и, следовательно, нет необходимости разъединять эти категории.

Наиболее удобная и структурированная классификация лексико-тематических групп инвективной лексики присутствует в работе В.М. Мокиенко «Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное». Ученый выделяет:

- Слова и выражения о лицах с подчеркнута отрицательными характеристиками: а) «глупый, недалновидный человек»: *дурак, болван, оболдуй, остолоп, недоумок*; б) «подлый, низкий человек»: *подлец, негодяй, мерзавец, подонок, гад ползучий*; в) «ничтожный человек, ничтожество»: *шваль, гнида, ноль без палочки, дешевка*; г) «проститутка, продажная женщина»: *шлюха, потаскуха, курва, уличная девка*.

- Слова и выражения, связанные с «неприличными», социально табуированными частями тела – «срамные слова»: *жопка, задница, хрен, шишка*;

- Слова и выражения, связанные с совершением полового акта: *драть, жарить, дрючить, кинуть палку*.

- Слова и выражения, связанные с физиологическими функциями человека: *ссать, срать, гадить, ходить до ветру*;

- Слова и выражения, связанные с «результатом» физиологических отправлений: *говно, дерьмо, кал, помет* [22].

Систематизации В.В. Посиделовой (по типу) и В.М. Мокиенко (по лексико-тематическим группам) обладают понятной и содержательной структурой, поэтому в ходе исследования, а также дальнейшего анализа инвективного материала предлагаем остановиться на данных классификациях.

1.2.2 Коммуникативные функции

В отличие от этой чисто семантической позиции, подавляющее большинство ученых пытаются определить или описать уничижительные слова, рассматривая их функции. Такие функциональные подходы основаны на различении денотативной и коннотативной функций лексических единиц, которые тесно связаны с основами семантики и лексикологии. Тем не менее, эти так называемые коннотативные функции варьируются от эмоциональных до социальных аспектов коммуникативных выражений.

Юридические и лингвистические области научного исследования отталкиваются от того факта, что оскорблением будет признана та инвективная номинация, в содержании которой присутствуют три неотъемлемых признака: а) «факт унижения чести и достоинства»; б) «неприличная форма выражения»; в) «умышленность деяния в процессе коммуникации» [33, с. 148]. Со стороны эксперта в контексте употребления инвективной лексики требуется доказать наличие всех трёх признаков оскорбления.

Если обнаружить «факт унижения чести и достоинства» не составит большого труда для лингвокриминалиста, поскольку у него имеется необходимый языковой инвентарь и именно его задача обуславливает необходимость лингвистической экспертизы как таковой, то факт умышленного деяния доказать трудно. Причина заключается в многофункциональности языка и его языковых единиц, что усложняет определение цели любого типа инвективного обращения. Параметр установления «неприличной формы выражения» хоть и вызывает порой определённую дискуссию, но не вызывает трудностей, поскольку он базируется на определении инвективных единиц с отрицательной эмоционально-оценочной окраской, что так же не составит усилий при наличии специальных знаний.

Чтобы облегчить работу при проведении лингвистического анализа, эксперту следует обратиться к классификации функционально-целевого употребления инвективной лексики в процессе коммуникации. Представленная ниже система является попыткой исследователя О.В. Саржиной описать основные назначения инвективы, беря во внимание широкий и узкий подходы к её описанию.

Коммуникативные функции инвективной лексики как средства для общения [37, с. 70]: *экспликативная* (дескриптивная, аксиологическая, катарсическая, стилеразличительная); *номинативная*; *волюнтативная* (инвективная, дидактическая); *обобществляющая* (социализирующая, фатическая); *эстетическая*.

Рассмотрим каждую функцию подробнее, чтобы в дальнейшем остановиться на тех, которые подходят к теме нашего диссертационного исследования.

Экспликативная функция, то есть передача накопленной в процессе коммуникативного акта информации, представляет собой сложно-структурированное явление, где каждая подфункция обусловлена видом информации, содержащейся в языковой единице. Проанализируем её подвиды.

- Дескриптивная функция (описание) – это возможность описывать любой объект реальности словом, содержащее в себе исчерпывающее значение. В основе таких слов лежат денотативные сведения. Например, инвективное понятие «*эгоист*» содержит такую информацию – «человек, ставящий свои интересы выше интересов других».

- Аксиологическая функция (оценка) опирается на оценочность, содержащуюся в значении слова, и является передачей мнения об объекте коммуникации. В данном случае имеется в виду, что инвективная лексика всегда выражается в форме отрицательной оценки характеристик адресата. Примером могут послужить фразы: «Ну ты и *бестолочь!*», «Какой же ты *бездарь* всё-таки!».

- Катарсическая функция (взбудораженный выплеск эмоций) заключается в потребности субъекта коммуникации снять нервное напряжение, провести эмоциональную разрядку во время конфликтного диалога. Этим же обуславливается употребление инвективной лексики в дискурсе. Катарсическая функция тесно переплетается с функцией аксиологической, поскольку эмоции говорящего, выраженные словами, способны охарактеризовать его субъективную оценку к оппоненту, и наоборот, субъективная оценка может быть выражена в эмоциональных высказываниях. Следовательно, экспрессивный тон является средством реализации оценки. Их параметры закономерно перетекают из одного в другое: «приятное» – «хорошо» / «неприятное» – «плохо» [18, с. 17]. Другими словами, адресант в процессе коммуникации употребляет инвективы не только чтобы выразить своё отрицательное отношение к субъекту или ситуации, но и избавиться от внутреннего негативного эмоционального состояния, вызванного ими. «Всеякие агрессивные действия имеют задачу исключительной социальной важности – катарсис, психологическая разрядка, а значит, содействуют психическому здоровью организма» [13, с. 16]. Пример: «Ты *дебил* или как? Я же тебе уже всё объяснил!».

- Стилеразличительная функция инвективной речи – это придание экспрессии своему выражению. В содержании инвективного высказывания закладывается функционально-стилистическая информация – сообщению придаётся разговорный окрас, порой не всегда осознаваемый самим субъектом. Данная функция не самостоятельна – она исходит из аксиологической и катарсической, поскольку параметр стиля напрямую зависит от степени оценки и выброса эмоций. Следовательно, она не применима для установления намерений говорящего при проведении лингвистического анализа, однако полезна при выявлении инвектив по стилистическим пометам. В словарях за инвективной лексикой закреплены конкретные стилистические маркировки, включающие информацию о её характерном разговорном стиле.

Номинативная функция в контексте инвективного дискурса подразумевает то, что адресант в грубой форме называет ситуацию или субъекта коммуникации устоявшимися инвективными терминами, которые при этом могут являться выражением истины. Например, фраза «*Ты – мошенник* (человек, который злоупотребил доверием других в корыстных целях)!» или «*Ты – мерзавец* (отвратительный человек)!» может быть следствием констатации факта.

Волюнтаривная функция (воздействие) является фундаментальной, поскольку любое инвективное высказывание (вплоть до оскорбительной формы) – это средство достижения намерений говорящего, который стремится повлиять на адресата сообщения. У данной функции есть две разновидности: инвективная и дидактическая.

- Инвективная функция выступает как модель отрицательного воздействия, в которой сказанная инвектива дополняется различными уровнями языка – интонацией, местоимением, именами собственными, единственным/множественным числом и прочими. В данном случае, инвективная лексика используется адресантом как средство прямого обвинения в том или ином отклонении от нормы. Своим действием он «навешивает» на оппонента обидный «ярлык». Отрицательное влияние происходит не столько благодаря факту обвинения, сколько благодаря её форме, то есть негативному эмоционально-оценочному слову, выбранному адресантом. Например, «И вот этот *жирдяй* будет указывать мне, что говорить?!».

- Дидактическая функция типична для оценочных высказываний, которые сами по себе являются рекомендацией, желанием побудить к действию, предостережью от губящих решений, похвалить или осудить. В сущности, такая разговорная модель регулирует нормы поведения в публичном дискурсе и обществе в целом. Здесь оценочная инвектива, использованная в неодобрительном высказывании, напоминает субъекту коммуникации о правилах (нравственных, поведенческих, внешнего вида и

т.п.), демонстрируя ему отклонение от нормы, которое порицается общественным мнением. Примеры: «Не веди себя как *животное!*», «Ты сейчас выглядишь *идиотом!*»

Обобществляющая, то есть функция объединения делится на две категории:

- Фатическая. Субъект не столько передаёт сообщение, сколько обозначает личную позицию по какому-либо факту [5]. Назначение такого действия – встретить понимание у собеседника, убедиться, что у них одинаковые взгляды на одни и те же сведения. Таким образом, поддерживается процесс межличностных отношений в обществе. Пример реализации подобной разговорной модели: «Современное кнопочное поколение – это же поколение *дегенератов*, вы разве не согласны?!». Проблема в том, что фатическая функция как отдельное инвективное сообщение встречается редко. Чаще всего нужно рассматривать диалог целиком, чтобы понять, что собеседников объединяет общее понимание ситуации:

- *Мне вчера какие-то подонки слили бензин...*

- *Вот сволочи!*

В этом контексте оба высказывания по своим функциональным особенностям будут рассматриваться как одно сообщение.

- Социализирующая функция заключается в языковом обособлении индивида или соответствующей социальной группы. Примерами служат намеренные трансформации речи от возвышенного стиля до сниженной лексики и наоборот. Такие переходы из одной градации в другую могут происходить по несколько раз в одном и том же дискурсе. Инвективный арсенал в данном случае характеризует «своих» и разделяет «чужих». Например, уголовный жаргон определяет тип людей, отбывших срок в исправительной колонии или представляющих криминал, и те, кто употребляет подобные жаргонизмы в речи, могут считаться в среде бандитизма «своими». Следовательно, проявление социальной функции

инвективы роднит его с жаргоном. Социализирующая функция может проявляться только в контексте коммуникативного акта. Лингвист не способен определить намерение самоидентификации в отрыве, отдельном языковом материале. Должно быть рассмотрено, кем являются субъекты коммуникации, степени градации их речи и, разумеется, контекст употребления. Всё говорит о том, что использование социализирующей функции в алгоритме выявления инвективной лексики затруднительно.

Эстетическая функция – придание речи «красочности» за счёт использования инвектив – в повседневном общении сведена к минимуму. Данное свойство присуще художественному тексту, когда автор создаёт образы персонажей, наделяя их специфическим лексиконом. Определить эстетическую функцию инвективной лексики в публичном дискурсе практически невозможно. К тому же, изучением художественного текста занимаются специалисты в области литературоведения. Следовательно, её дальнейшее рассмотрение и использование в лингвистическом анализе нецелесообразно.

Проанализировав все функции инвективной лексики в процессе коммуникации, мы пришли к выводу, что в публичном журналистском дискурсе уместны *экспликативная* (её подвиды: дескриптивная, аксиологическая, катарсическая), *номинативная*, *волюнтаривная* (её подвиды: инвективная, дидактическая) и *фатическая* функции.

1.2.3 Стилистические словарные пометы

При составлении лингвистической экспертизы текста, роль словарей трудно переоценить. Пометы, представленные в лексикографических источниках – это надёжные маркеры, которые помогают обнаружить стилистически сниженную инвективную лексику. Однако в словарях литературного языка и в специализированных источниках, посвящённых нелитературной лексике, система стилистических помет существенно различаются. Следовательно, в ходе работы особенно актуальной будет

методика классификации инвективной лексики с опорой на словарные пометы.

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» все пометы предложено разделять на грамматические и стилистические, обусловленные спецификой функционирования той или иной номинации в речи [39, с. 196-197]. Пометы эксплицированы во вводной части толкового словаря, чтобы, как отмечает В.В. Морковкин, понять соответствие одной языковой единицы к «совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений» [23, с. 110].

Считается, что впервые система словарных помет была составлена в 1895 году и ознаменовалась выходом «Словаря русского языка» под редакцией Я.К. Грота. Наиболее приближённая к современности система появилась в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [40], и словари XX века в целом её переняли (например, похожими маркеры присутствуют в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией Ярцева) [19].

Необходимо отметить, что среди самих лексикографов были разногласия. Советский лингвист Б.А. Ларин критиковал стилистические пометы, составленные В.В. Виноградовым, что отражено в письме от 3 июня 1932 года коллеге Г.О. Винокуру: «...никак не приемлем Виноградовского цеплянья за лоскутья старой академичности и отвергаем эти пометы, как слишком анахроничные. *Вульг.* (вульгарное слово) мало понятно и претенциозно, надо *груб.* (грубая лексика). А вместо *простореч.* надо *масс.* (массово-разговорный)» [25, с. 36]. Дискуссия Б.А. Ларина и В.В. Виноградова по сути обозначила в середине XX века проблему обозначения стилистических помет.

Роль современных словарей в описании лексического состава языка трудно переоценить [28; 29; 30]. Для того чтобы составить классификацию инвективной лексики, необходимо рассмотреть систему помет в лексикографических источниках XXI века.

В ряде словарей представлено пояснение к используемым пометам. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова обозначение *бранно* описывает языковые единицы, «употребляемые с целью обидеть адресата, оскорбить его» [3, с. 16], что, как мы разобрали в первом параграфе, является одной из функций инвективной лексики. В словаре этим маркером помечено 88 единиц. Похожим толкованием обладает помета *грубо*, которая применима к словам, «содержащим неадекватную грубую, часто оскорбительную лексику» [3, с. 16]. Таких единиц в сборнике – 192 номинации. Однако в чём существенная разница между *бранно* и *грубо* в предисловии не поясняется, ведь стилистически слова «говнюк» (с пометой *грубо*) и «дебил» (с пометой *бранно*) не отличаются. Мы считаем, что брань в принципе неотделима от грубости, и большинство языковых единиц, найденных в словаре С.А. Кузнецова под пометой *бранно* и *грубо*, стоит соотносить к одному типу.

Кроме того, в этом же сборнике 27 единиц указаны как *вульг.* (вульгарные). Эта помета в отличие от предыдущих вполне определённа. Вульгарные номинации – это «слова, не являющиеся литературными, передающие экспрессию циничной оскорбительности и используемые в художественных произведениях как средство шокового воздействия на читателя» [3, с. 16]. Также им присуща семантическая связь с физиологическими функциями человека («блядство», «засранный»). Эти признаки определённо присущи инвективной лексике, а значит помета *вульг.* может быть использована при классификации.

В словаре «Новое русское в лексике. Словарные материалы – 2020» obscene лексика выделяется отдельным маркером *нецензурн.* (нецензурное) [26, с. 17], что облегчает исследователю поиск необходимой информации – в наличии всего 5 лексических единиц. Соответственно, данный словарь также может быть использован при систематизации инвектив.

Система помет, представленная в «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» В.В. Химики, является наиболее удобной. К

устоявшимся пометам, таким как *бран.*, *груб.*, *презрит.* (презрительное), *пренебр.* (пренебрежительное), добавляются *уничиж.* (уничижительное) и *дисф.* (дисфемизм, то есть подмена изначально нейтрального понятия на грубое и непристойное) [45, с. 14-15]. Лексические единицы, маркированные данными пометами, используются, чтобы унизить адресата речи, выразить своё отношение в грубой форме – что является атрибутивными признаками инвективной лексики в конфигурации оскорбления.

В «Большом академическом словаре русского языка» обнаруживается помета *груб.-прост.* [2]. Таких единиц – свыше 50 номинаций. На наш взгляд, это обозначение вполне заменяет все инвективные просторечия и в то же время убирает необходимость использования отдельных помет *груб* и *прост.*

При составлении классификации инвективной лексики мы считаем возможным использовать обозначения, рассмотренные выше. Пометы *бран.* и *груб.* возможно объединить, поскольку ситуация брани предполагает использование именно грубых номинаций. Помета *груб.-прост.* вынесена отдельно, поскольку номинации, обозначенные данной пометой, не пересекаются с лексемами, маркированными как *бран.* и *груб.*

Попытка классификации номинаций, обозначенных теми или иными пометами, может быть предоставлена в виде синоптической таблицы на основании анализа данных рассмотренных выше словарей (таблица 3).

Таблица 3 – Классификация инвективной лексики на основании стилистических помет в словарях XXI века

Помета	Примеры
<i>Бран. и груб.</i>	Шкура, гнида, козёл и др.
<i>Презрит.</i>	Вороньё, быдло, зажравшийся и др.
<i>Пренебр.</i>	Вошь, дрянь, азер и др.
<i>Грубо.-прост.</i>	Алкаш, подлюга, жлоб и др.
<i>Уничиж.</i>	Жирный, осёл, дурак и др.
<i>Дисф.</i>	Морда, чердак (<i>голова</i>) и др.
<i>Вульг.</i>	Засранец, зассанный и др.

Таким образом, опора на систему словарных стилистических помет в лексикографических источниках может быть использована для классифицирования инвективной лексики. Данный подход поможет нам при анализе оскорбления в рамках лингвистической экспертизы.

Во втором параграфе мы рассмотрели существующие системы распределения инвективной лексики по типу, тематическим группам и коммуникативным функциям. В ходе диссертационного исследования для составления механизма анализа инвектив наш выбор пал на классификации В.В. Посиделовой (по типу) и В.М. Мокиенко (по лексико-тематическим группам). Также мы проанализировали стилистические пометы в словарях XXI века и на их основании составили собственную классификацию инвективных лексем.

1.3 Контекст употребления инвективной лексики

Прежде чем составлять план анализа языкового материала, следует рассмотреть ситуацию использования инвективной лексики в рамках выбранной темы диссертационного исследования.

Владимир Соловьёв известен в профессиональной среде своими скандальными выступлениями и противоречивыми репликами. На момент 2022 года журналист имеет два основных канала информации: один – на телевидении, второй – на интернет-платформе YouTube. Остановимся на каждом поподробнее.

Первый выпуск передачи «Вечер с Владимиром Соловьёвым» (по воскресеньям «Воскресный вечер...») вышел 16 сентября 2012 года на телеканале «Россия-1». К 2022 году программа насчитывает более 2,5 тыс. выпусков. Бессменным ведущим является Владимир Соловьёв. Передача заявлена в жанре общественно-политического ток-шоу, в котором обсуждаются актуальные новости, события, происходящие на мировой и российской политической аренах. В программе участвуют политологи,

журналисты, военные аналитики, бизнесмены и т.д. Дебаты между ними разделены на тематические блоки и в каждом из них Владимир Соловьёв выступает как модератор дискуссии. Почти все выпуски программы отличались ярко выраженными резкими высказываниями ведущего и приглашённых гостей.

«Вечер с Владимиром Соловьёвым» полностью соответствует своему жанру, поскольку телепередача обладает сущностными признаками политического ток-шоу, а именно присутствует интервью, дискуссия, а композиция программы строится вокруг личности ведущего. Главным действующим лицом является Владимир Соловьёв, а не группа экспертов. Экранная форма ток-шоу максимально персонифицирована. Подобные программы ведут профессионалы с умением заинтересовать аудиторию, рассмешить, привлечь к себе внимание, найти одобрение у слушателей, поскольку жанр ток-шоу информационно-развлекательный. Владимир Соловьёв как телеведущий успешно справляется с этими требованиями, зачастую прибегая к юмору, грубым тезисам и эпатажному поведению. Необходимо учесть, что в нынешней медиасфере понятием «ток-шоу» обозначают любую «разговорную» передачу, если её ведущий – это «звёздный» и неограниченный в поведении журналист, коим и является Владимир Соловьёв.

Разумеется, его «неограниченность» на телевидении имеет пределы. Журналист не может выражаться нецензурной бранью, поскольку она регулируется КоАП РФ (часть 1 ст. 20.1 «Нарушение общественного порядка, сопровождающееся нецензурной бранью») [17] и Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [41]. Журналист не имеет право ограничивать экспертов ток-шоу во мнениях, поскольку это будет нарушением положения о «Недопустимости цензуры» (абз. 1. ст. 3 Закона о СМИ) [14]. Однако Владимир Соловьёв позволяет себе

на телевидении инвективные высказывания, которые не регулируются ни одним законодательным документом, если они не попадают под категорию «оскорбления» (УК РФ (ст. 130) и КоАП РФ (ст. 5.61)).

Стоит подчеркнуть, что «нецензурная брань» и «ненормативная (инвективная) лексика» – не синонимы. Второй термин шире по своему составу – в него включены как табуированные (матерные), так и просто неприличные, грубо-просторечные слова и содержащие их изречения. Аналогичного мнения придерживается и Верховный Суд Российской Федерации, относящий к ненормативным как «приличные», так и нецензурные ругательства [15].

Использование инвектив в публичном интернет-пространстве и на телевидении фактически «узаконено» и никак не наказывается. Так Роскомнадзор не считает нарушением закона употребление обценной лексики в прямых теле- и радиоэфирах, когда невозможно предусмотреть заранее, что может сказать приглашенный в студию эксперт. Однако отмечается, что редакция должна предупреждать приглашённых гостей о соблюдении словесных норм, ведь она несёт ответственность за свою репутацию.

В отношении интернет-СМИ работает такое же правило. Сам факт нецензурного комментария на портале, в блоге, видеохостинге, не будет считаться правонарушением, но ведомство попросит интернет-издание удалить данный комментарий, отредактировать его или внести предупредительный дисклеймер (если это видео). В противном случае Роскомнадзор вправе вынести предупреждение редакционной коллегии и учредителю СМИ.

Перейдём к деятельности Владимира Соловьёва в Интернете. 11 марта 2020 года на YouTube был зарегистрирован канал «Соловьёв LIVE». На момент последнего обращения к данному интернет-СМИ (20 февраля 2022 года) проект насчитывал более 800 тыс. подписчиков и более 300 млн. просмотров. Основным контентом, выходящим на канале, стала авторская

передача «Полный контакт», ведущим которой выступает Владимир Соловьёв. Она представляет собой серию прямых эфиров в жанре политического ток-шоу. Вступая в дискуссию с гостями передачи и комментируя сообщения зрителей, оперативно обновляющихся в чате, телеведущий часто использует в речи грубые и резкие высказывания. Инвективная лексика здесь используется для нужного адресанту воздействия на аудиторию или донесения сообщения.

На YouTube Владимир Соловьёв более свободен в высказываниях, поскольку для интернет-площадки отсутствуют чёткие рычаги воздействия. Правила сообщества в отношении грубых, неприличных выражений очень мягкие. На видео с «недопустимой» лексикой может быть наложено возрастное ограничение 18+ и отключена монетизация – и это все ограничительные меры по борьбе с инвективным языковым контентом. Площадка (Google) всё же вправе удалить ролик только «в некоторых случаях»:

- если в его названии, значке и метаданных используются нецензурные слова;
- за слишком частое употребление (распространение) «недопустимых» высказываний;
- за нецензурное оскорбление, клевету и призыв к насилию.

Однако на видеоролик, попадающий под один из вышеуказанных пунктов, должна быть подана жалоба от пользователей, и только в этом случае контент подлежит блокировке. Кроме того, правила сообщества не указывают конкретную степень употребления нецензурных слов, с которой содержание видео можно считать «неприемлемым».

Так называемый «Закон о блогерах» (Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года) [42], который обязывает обладателей интернет-каналов регистрироваться в Роскомнадзоре, казалось бы, приравнивает контентмейкеров к СМИ, а значит, накладывает ряд ограничений на содержимое их ресурсов. Однако он утратил силу в связи с Федеральным

законом от 29.07.2017 №276-ФЗ [43], по которому ведомство прекращало вести реестр видеоблогеров, то есть их деятельность больше не попадает под действие «Закона о СМИ».

1 февраля 2021 года вступил в силу Федеральный закон №530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 30.12.2020 [44]. Законодательные изменения закрепили за соцсетями обязанность в течение суток находить и блокировать любой контент, содержащий нецензурную брань. Однако при буквальном прочтении поправок мы узнаём, что от соцсетей требуют удалять информацию, которая «выражена в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность». То есть формально цензуре должны подвергаться не все посты с матом, а только часть из них, где есть переход на личности и затрагиваются общечеловеческие ценности. Проблема в том, что YouTube, хоть и находится в реестре Роскомнадзора, не является мессенджером (социальной сетью). Если работа с соцсетями подразумевает поиск нецензурной брани в тексте, то в случае видеохостинга, устный языковой материал обработан в видео, что затрудняет регулирование со стороны ведомства.

Таким образом, журналист Владимир Соловьёв, являясь медийным лицом, известным телеведущим, в Интернете ограничен лишь внутренней профессиональной ответственностью. Из-за отсутствия чётких рычагов воздействия, Владимир Соловьёв в своей интернет-передаче «Полный контакт» на YouTube-канале «Соловьёв LIVE» часто прибегает к использованию инвективной, порой уничижительной лексики.

В четвёртом параграфе мы выяснили, что на телевидении журналисту недопустимы нецензурные оскорбления (УК РФ (ст. 130) и КоАП РФ (ст. 5.61)) и нецензурная брань (КоАП РФ (Часть 1 ст. 20.1), Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 34-ФЗ, «Закон о СМИ» (абз. 1. ст. 3). На платформе YouTube нет законодательного регулирования со стороны российского

правового поля. Наказание за нарушение правил, прописанные Google, слишком мягкие и нечёткие. Они фактически узаконивают использование инвективной лексики на видеохостинге.

Выводы по первой главе.

В рамках первой главы были рассмотрены различные подходы к описанию термина «инвектива/инвективная лексика». В ходе анализа было выяснено, что существует три понимания термина: как оскорбление, как тип речи, как речевой/литературный жанр. Чтобы анализировать инвективную лексику в журналистском дискурсе, мы более подробно рассмотрели особенности инвективы как типа речи, и выяснили, что оно имеет разные функции в зависимости от намерения говорящего. Наиболее полным и содержательным определением инвективы мы посчитали определение В.И. Жельвиса.

Для подробного описания инвективной лексики во время проведения лингвистической экспертизы мы изучили существующие систематизации инвектив, а именно: по типу, по лексико-тематическим группам, по коммуникативным функциям. Классификации В.В. Посиделовой (по типу), В.М. Мокиенко (по лексико-тематическим группам) и О.В. Саржиной (по коммуникативным функциям) мы считаем наиболее содержательными.

Рассмотрев перечень словарей XXI века, мы составили собственную классификацию инвективной лексики по стилистическим словарным пометам, отражённую в таблице 3 первого параграфа.

Контекст употребления инвективной лексики в выступлениях журналиста Владимира Соловьёва заключается в том, что речевые возможности медийной персоны ограничены уголовными, административными и федеральными законами, в то время как в Интернете ограниченность высказываний сведена к минимуму.

Глава 2 Анализ инвективной лексики в политическом шоу «Соловьёв LIVE»

2.1 Тематические группы инвектив в речи Владимира Соловьёва

Исходя из теоретической части и выводам, сделанной в первой главе, попытаемся проанализировать отобранный языковой материал. В совокупности с телевидения и интернет-вещания у нас есть 150 примеров высказываний инвективного характера. Было просмотрено 50 выпусков телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и 50 выпусков YouTube-программы «Полный контакт». На рассмотрение были взяты материалы от марта 2019 года до июня 2022 года.

Для начала проанализируем, какие тематические группы наиболее представлены в выступлениях Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете. В ходе работы было найдено 98 номинативных единиц инвективной категории, которые были распределены по лексико-тематическим группам. В таблице 4 отражены результаты данного исследования.

Таблица 4 – Тематические группы инвектив в выступлениях В. Соловьёва

Тематические группы	Инвективные единицы
Слова и выражения о лицах с подчеркнута отрицательными характеристиками	<i>Идиот, дегенерат, кретин, жирный, тупой, тупоголовый, свинья, ничтожество, негодяй, сволочь, скотина, подстилка, мерзавец, подонок, алкоголик, мразь, мерзость, мерзота, мерзотный, жулик, ворьё, злодей. душевнобольной, штымп, безграмотный, бездарный, чертяка, больной, мелкий, продажный, туша, слизняк, существо, шакал, дрыщ, сопляк, либерота, либераст, неонацист, нацист, мусор, жалкий, протухший, глупый, гадкий, вертлявый, бес, худой, никчёмный, упырь, нацист, преступник, дурак, дебил, худший, смешной, дикий, вымогатель, гнида, лживый, бандиты, убийцы, дешёвый, русофоб, ущербный, фрикс, скот, дремучий, гадина, неучи, гнилозубка, предатель, журнашлюшка, петух, недостойный, мракобес, содержанка, лгун, животное.</i>

Продолжение таблицы 4

Тематические группы	Инвективные единицы
Слова и выражения, связанные с «неприличными», социально табуированными частями тела – «срамные слова»	<i>Хрен, хрень, задница, пукан, жопа.</i>
Слова и выражения, связанные с совершением полового акта	<i>Гондон.</i>
Слова и выражения, связанные с физиологическими функциями человека	<i>Ссыкло, жрать, гадить, ссать, обосранный, пердящий.</i>

Исходя из таблицы 4, можно выявить, что наиболее частотной по употреблению в речи является тематическая группа «слов и выражений о лицах с подчеркнута отрицательными характеристиками» (рисунок 1).

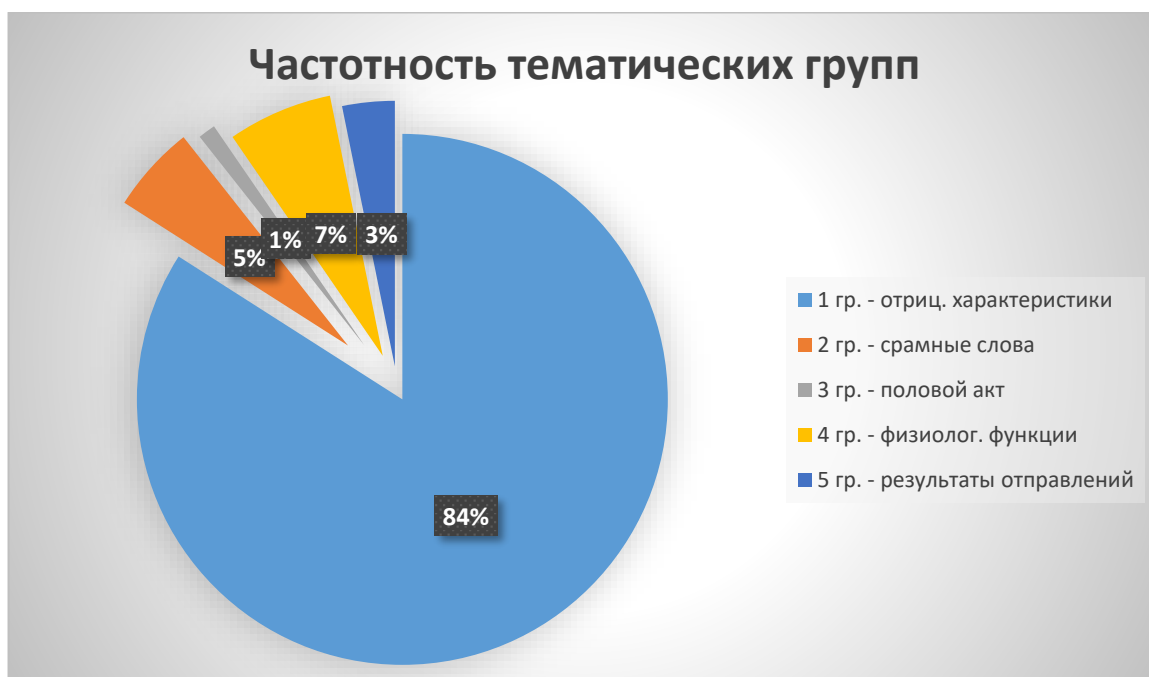

Рисунок 1 – Частотность лексико-тематических групп инвективной лексики в выступлениях В. Соловьёва

Инвективы из этой группы составляют 84% от общей массы инвектив, найденных во время анализа выступлений Владимира Соловьёва. Журналист

наименее всех затрагивает тематическую группу «слов и выражений, связанных с совершением полового акта» – всего лишь 1% инвектив.

Приведём наглядные примеры употребления инвектив каждой тематической группы.

В удалённом отрывке прямого эфира интернет-программы «Полный контакт» от 23 апреля 2020 года Владимир Соловьёв отреагировал на провокационный комментарий, выведенный на экран: «Человек, который вывел сейчас на экран ругательство – это *идиот?*». Номинация «идиот» входит в подгруппу «глупый, недалёковидный человек» категории «слов и выражений о лицах с подчёркнуто отрицательными характеристиками».

В выпуске от 17 сентября 2021 года Владимир Соловьёв высказался о деятельности бизнесмена Анатолия Чубайса: «Он же *жулик, ворьё* самое настоящее! Я считаю его главным *злодеем* современности». Номинации «жулик», «ворьё», «злодей» входят в подгруппу «подлый, низкий человек» категории «слов и выражений о лицах с подчёркнуто отрицательными характеристиками».

В выпуске от 27 апреля 2022 года Владимир Соловьёв в прямом эфире назвал город Екатеринбург «центром мерзотной *либероты*». Номинация «либерота» является языковой единицей эмоционально-сниженной лексики, и, следовательно, входит в подгруппу «ничтожный человек, ничтожество» категории «слов и выражений о лицах с подчёркнуто отрицательными характеристиками».

В прямом эфире «Полного контакта» от 31 октября 2020 года Соловьёв заявил в адрес директора общественной организации «Открытой России» Андрея Пивоварова, что он является «*подстилкой* Ходорковского». Номинации «подстилка» входят в подгруппу «проститутка, продажная женщина» категории «слов и выражений о лицах с подчёркнуто отрицательными характеристиками».

В прямом эфире от 2 декабря 2020 года Владимир Соловьёв перепутал писателя Дмитрия Глуховского, текст которого был выбран для написания

«Тотального диктанта», с его коллегой и тёзкой Галковским: «Какого *хрена* эта мерзость Галковский попал на «Тотальный диктант». Или Глуховский – одна *хрень!*». Номинации «хрен», «хрень» – это номинации группы «слов и выражений, связанные с «неприличными», социально табуированными частями тела («срамные слова»)).

16 июля 2020 года Владимир Соловьёв в прямом эфире интернет-программы обратился к своему коллеге, украинскому журналисту Дмитрию Гордону в крайне оскорбительной форме: «Гордон – *гондон!*». Номинация «гондон» – это номинация, связанная с темой совершения полового акта (одной из инвективных тематических групп).

3 октября 2021 года Владимир Соловьёв обращается к авторам провокационной фотографии, выложенной в интернет: «Зачем вы берёте великую фотографию, и её начинаете откровенно *гадить?*». Номинация «гадить» подходит под тематическую категорию «слов и выражений, связанных с физиологическими функциями человека».

16 апреля 2020 года произошёл интернет-конфликт между спортивным комментатором Василием Уткиным и Владимиром Соловьёвым. В одном из ответных обращений, проходившем в прямом эфире, журналист намёком оскорбительно охарактеризовал бывшего коллегу: «Вася, послушай-ка клип под названием «Человек-*говно*». Вот где вся правда про тебя!». Номинация «говно» входит в тематическую категорию «слов/выражений, связанных с «результатом» физиологических отправления».

Как мы выяснили, наиболее частотной по употреблению инвективной лексики в речи является тематическая группа «слов/выражений о лицах с подчеркнута отрицательными характеристиками». Однако у этой категории имеются тематические подгруппы, которые и образуют полноценную инвективную группу номинативных единиц. Следовательно, чтобы анализ был полноценным и справедливым, необходимо также рассмотреть тематические подгруппы данной категории на предмет частотности употребления инвектив каждого раздела. В таблице 5 отражены результаты

проделанной работы. Для обозначения типа лексики в функционально-стилистическом отношении используются сокращения, представленные в приложении А.

Таблица 5 – Тематические подгруппы инвектив, подчёркивающих отрицательные характеристики адресата

Тематические подгруппы	Инвективные единицы	Типы единиц	Кол-во упоминаний
«глупый, недалновидный» человек	<i>идиот</i>	литер.	23
	<i>дегенерат</i>	груб-прост.	9
	<i>кретин</i>	груб-прост.	14
	<i>тупой (тупоголовый)</i>	груб-прост.	37
	<i>душевнобольной (больной)</i>	литер.	7
	<i>дурак (дурачок)</i>	литер.	31
	<i>неуч</i>	литер.	5
	<i>дремучий</i>	литер.	3
	<i>фрик</i>	сниж.	2
«подлый, низкий» человек	<i>свинья</i>	груб-прост.	13
	<i>животное</i>	груб-прост.	10
	<i>негодяй</i>	литер.	58
	<i>сволочь</i>	груб-прост.	22
	<i>скотина (скот)</i>	груб-прост.	16
	<i>мерзавец</i>	литер.	44
	<i>подонок</i>	груб-прост.	25
	<i>мерзость</i>	литер.	52
	<i>жулик</i>	литер.	11
	<i>ворьё</i>	литер.	8
	<i>мразь</i>	груб-прост.	67
	<i>шакал</i>	литер.	6
	<i>предатель (власовец)</i>	литер.	19
	<i>русофоб</i>	литер.	35
	<i>убийцы</i>	литер.	5
<i>бандиты</i>	литер.	7	
«ничтожный человек, ничтожество»	<i>либерасты (либерота)</i>	сниж.	12
	<i>гнида</i>	груб-прост.	30
	<i>дешёвый (дешёвка)</i>	сниж.	57
	<i>ничтожество</i>	литер.	29
	<i>недостойный (никчёмный)</i>	литер.	3
	<i>ущербность (ущербный)</i>	литер.	14

Продолжение таблицы 5

Тематические подгруппы	Инвективные единицы	Типы единиц	Кол-во упоминаний
	<i>ущербность (ущербный)</i>	литер.	14
	<i>гадина</i>	груб-прост.	43
	<i>помойка</i>	груб-прост.	2
	<i>гнилозубка</i>	сниж.	1
	<i>дрыщ</i>	сниж.	8
«проститутка, продажная женщина»	<i>содержанка</i>	литер.	3
	<i>куртизанка</i>	литер.	6
	<i>продажный</i>	литер.	48
	<i>журнашлюшка</i>	груб-прост.	4
	<i>подстилка</i>	груб-прост.	10
	<i>шкура</i>	груб-прост.	17

Исходя из таблицы 5, можно выявить, что наиболее частотной по употреблению в речи является тематическая подгруппа, касающаяся «подлости» и «низости» человека, безнравственном поведении адресата (рисунок 2).

Рисунок 2 – Частотность тематических подгрупп категории, подчёркивающей отрицательные характеристики адресата

Инвектив из этой подгруппы – 49% от общего количества инвектив, найденных во время отбора языкового материала Владимира Соловьёва. Телеведущий меньше всего прибегает к тематической подгруппе «проститутка, продажная женщина» – всего лишь 11% инвектив, которые были использованы в речи.

Также из рисунка 2 следует, что наиболее распространёнными номинативными единицами в речи Владимира Соловьёва являются слова «мразь» и «негодяй». Первая единица «мразь» была использована в выступлениях 67 раз, а вторая единица «негодяй» – 58 раз. Наименее употребляемыми в речи номинативами являются слова «гнилозубка» (отмечено 1 раз), «помойка» (отмечено 2 раза), «фрик» (отмечено 2 раза). Не все инвективные лексемы, найденные при отборе языкового материала, относятся к классификации Мокиенко по тематическим категориям. Так номинативная единица «штымп» (на воровском жаргоне – «намеченная жертва») не подходит ни под одну тематическую группу предлагаемой систематизации.

Наиболее частотной по типу оказалась *литературная лексика с негативной оценкой в презрительной модальности* – была обнаружена 21 номинативная единица (см. таб. 5). На втором месте – *грубо-просторечная (бранная) лексика*. Телеведущий использовал в своей речи 15 номинативов данного типа инвективной лексики. Наименее частотной по типу оказалась *лексика со сниженной стилистической окраской (жаргоны, вульгаризмы, диалектизмы, сленг)*. При анализе 50 выпусков телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и 50 выпусков YouTube-программы «Полный контакт» было найдено лишь 5 номинативных единиц подобного типа. Обсценная лексика в речах журналиста не была замечена, и потому она не может входить в рассматриваемую статистику.

Приведём наглядные примеры употребления каждого типа инвективной лексики в выступлениях Владимира Соловьёва.

16 апреля 2020 года телеведущий посвятил прямой эфир ответному обращению к коллеге Василию Уткину, котором пригрозил: «Просто сверху по куполу тебе врежу». В данном случае под «куполом» подразумевается голова собеседника, следовательно, мы имеем дело с дисфемизмом. Номинативная единица «купол» в рассматриваемом контексте и по типовым признакам является частью стилистически сниженной лексики, а именно – жаргонизмом.

20 января 2021 года Владимир Соловьёв в своей авторской программе «Полный контакт» на YouTube-канале «Соловьёв LIVE» назвал Алексея Навального «*нацистской мразью*» (груб-прост.), которая «якобы» ненавидит его как «еврея и антифашиста».

В выпуске от 14 мая 2019 года в эфире телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьёвым» произошёл скандал. В ответ на распеkanie приглашённого гостя из Украины по поводу возмутительности шествия с портретами Иосифа Сталина на День Победы Владимир Соловьёв прокомментировал: «Да не для вас это ненормально, украинцев, а для тебя, потому что ты *бандеровская мразь* (грубо-просторечная лексика), которая в себе это ещё не признала!».

27 февраля 2020 года в эфире «Вечера с Владимиром Соловьёвым» телеведущий прошёлся по другому гостю из Украины: «Не смей трогать их память, ты, *упырь нацистский* (литер.)! Пошел отсюда вон, собрался и ушел отсюда, пшёл вон! Охрана, выведете эту *нацистскую мразь* (груб-прост.) и отдайте на расстрел войскам НКВД! Я не хочу марать свои руки об эту *мразь*! Пшёл вон отсюда, *мразь нацистская!*» – не выдержав накала лжи и бандеровской риторики, выругался Соловьёв.

Таким образом, в первом параграфе второй главы на основании 98 номинативных единиц, найденных во время отбора языкового материала в выступлениях Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете, мы выяснили, что наиболее частотной по употреблению в речи журналиста является тематическая группа «слов и выражений о лицах с подчеркнута

отрицательными характеристиками». Инвективы из данной группы составляют 84% от общей массы инвектив, найденных во время анализа выступлений Владимира Соловьёва. Журналист меньше всего затрагивает тематическую группу «слов/выражений, связанных с совершением полового акта» – всего лишь 1% инвектив. Из тематических подгрупп наиболее частотной оказалась тематика «подлости, низости», безнравственном поведении адресата – 49% от общего количества инвектив, найденных во время отбора языкового материала Владимира Соловьёва. Телеведущий меньше всего прибегает к тематике «проституции, продажности» людей – в ходе исследования обнаружено всего лишь 11% инвектив, которые использовались в речи. Также было выяснено, что журналист преимущественно использует инвективы типа литературной лексики с отрицательной оценкой в презрительной модальности. Меньше всего Владимир Соловьёв отдаёт предпочтение инвективам типа лексика со сниженной стилистической окраской. Наиболее распространёнными номинативными единицами в речи Владимира Соловьёва являются слова «мразь» и «негодяй». Первая единица «мразь» была использована в выступлениях 67 раз, а вторая единица «негодяй» – 58 раз. Наименее употребляемыми в речи номинативами являются слова «гнилозубка» (использовано всего один раз), «помойка» (использовано два раза), «фрик» (использовано два раза).

2.2 Коммуникативные функции инвектив в речи Владимира Соловьёва

Теперь проанализируем, какие коммуникативные функции в выступлениях Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете реализуются наиболее эффективно. В ходе работы было отмечено 479 ситуаций, в которых реализовывались функции инвективной лексики. В

таблице 6 приведена система описания коммуникативных функций медиаперсоны в журналистском дискурсе.

Таблица 6 – Особенности коммуникативных функции инвективной лексики в речах В. Соловьёва

Функции	Примеры единиц, с помощью которых реализуется функция	Количество функциональной реализации
<i>Дескриптивная</i>	«жирная туша», «худая никчёмная задница», «своей желчью», «он у вас ссыт», «выглядишь смешно», «гнилозубка» (намекая на гнилые зубы), «жирный рифмоплёт». «слёзы текли по харе», «выглядел омерзительно» и т.д.	56
<i>Аксиологическая</i>	«мерзкая сволочь», «настоящая мразь», «жирная скотина». «бездарный, безграмотный, зажавшийся чертяка», «мелкий продажный вой», «ты же слизняк», «продажное существо» и т.д.	180
<i>Катарсическая</i>	«Какого хрена?!», «Одна хрень!», «по куполу врежу», «в этой башке ничего не обнаружено», «Нет, дебил ты!», «Трансформер хренов!», «грёбаная «Битва экстрасенсов»» и т.д.	34
<i>Номинативная</i>	«это идиот», «ты, негодяй», «Ефремов – алкоголик», «он же жулик», «считаю главным злодеем» и т.д.	61
<i>Инвективная</i>	«тупой лгун», «ссыкло», «животное», «человек-говно», «куча дерьма», «подстилка Ходорковского» и т.д.	79
<i>Дидактическая</i>	«хватит гадить», «Вы башкой поехали?», «вы рамсы попутали» и т.д.	25
<i>Фатическая</i>	«Ходорковский пробашлял», «вор в законе», «хавальник разеваешь», «очень жёстко прессанули» и т.д.	44

Исходя из таблицы 6, можно проследить, что наиболее частотной коммуникативной функцией в выступлениях Владимира Соловьёва – это аксиологическая функция (оценки). Полную картину частотности реализуемых функций можно усмотреть в графической диаграмме (рисунок 3).

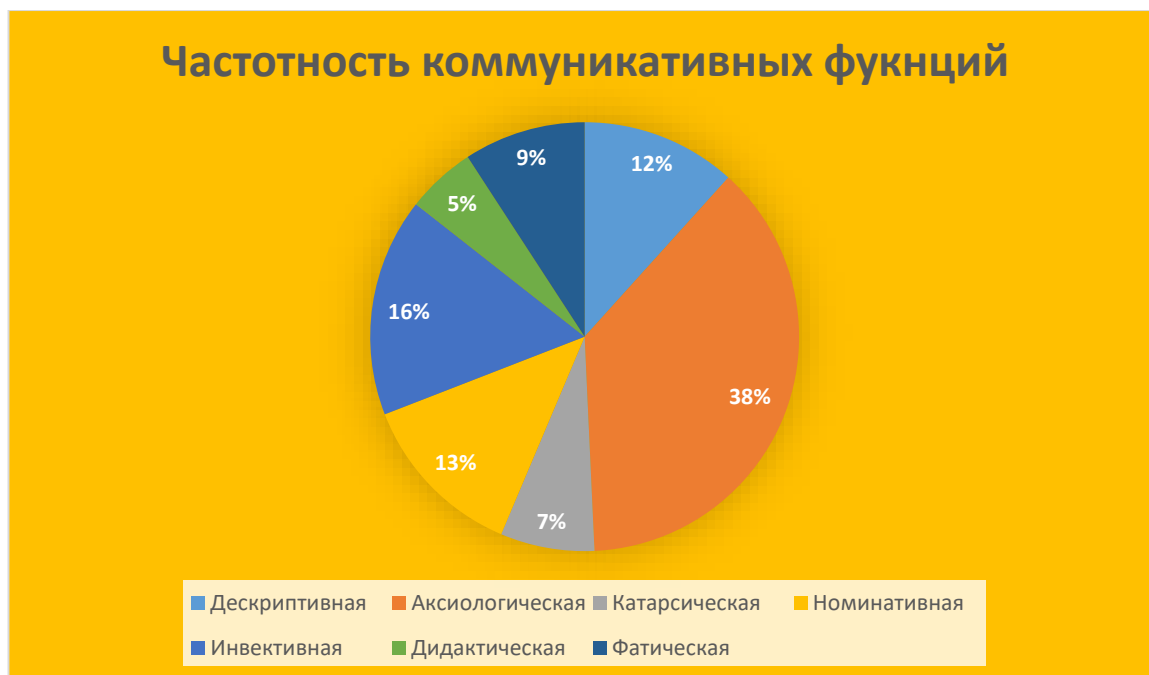

Рисунок 3 – Частотность коммуникативных функций инвективной лексики, реализуемых в выступлениях В. Соловьёва

Инвективы функции оценки составляют 38% от общего количества инвектив, которые реализуют прочие коммуникативные функции инвективного журналистского дискурса. Дидактическая функция в речах Владимира Соловьёва выражена меньше всех – всего лишь 5% найденных инвектив отражают намерение говорящего побудить к действию, предостеречь от губящих решений, похвалить или осудить правильные/неправильные поступки адресата. Одна из главных функций инвективной лексики – оскорбительная (в классификации Саржиной она именуется как «инвективная» – выражена средне (16% инвектив реализуют данную функцию).

Необходимо отметить, что в таблице 6 инвективные единицы представлены не в полном количестве. Это связано с объёмным языковым материалом, который был отобран для анализа. Многие инвективы повторяются, реализуют в речи медиаперсоны одну и ту же функцию. Приведённая таблица является примером систематизации инвектив по

коммуникативным функциям, и она может дополняться экспертами в дальнейших исследованиях.

Приведём наглядные примеры реализации рассматриваемых функций инвективной лексики в выступлениях Владимира Соловьёва.

В прямом эфире интернет-программы «Полный контакт» на YouTube-канале «Соловьёв LIVE» от 29 мая 2020 года Владимир Соловьёв нелестно отозвался о бывшем журналисте Александре Невзорове: «Он своей *желчью* отравляет нашу действительность. Черти будут куски плоти срывать с его *худой никчемной задницы!*». Номинативные единицы «желчь» и «худая никчёмная задница» помогают донести адресату (зрителям) намерение, а именно – описать своего дискурсивного «противника» как неприятного человека, и это описание должно вызвать пренебрежение у получателей сообщения. Следовательно, в данном случае, реализуется дескриптивная функция инвективной лексики.

В выпуске от 6 сентября 2019 года Владимир Соловьёв назвал интервьюера Юрия Дудя «*бездарным спортивным журналистом*», который полез «*гадить*» в другую, совершенно незнакомую ему область. В данном контексте адресант выражает своё мнение, отношение к субъекту журналистского дискурса, и, следовательно, в инвективном сообщении реализуется аксиологическая функция. Номинативные единицы «гадить» и «бездарный журналист» являются основой, создающей инвективное высказывание.

23 июня 2021 года Владимир Соловьёв в прямом эфире пожаловался зрителям на отсутствие в России качественных просветительских СМИ: «Никто не пытается общество воспитать. Вместо условной «Наука и жизнь» – *грёбаная* битва экстрасенсов!». В данном высказывании прослеживается потребность субъекта коммуникации снять нервное напряжение, провести эмоциональную разрядку во время обсуждения проблемного вопроса, что присуще катарсической функции. Употребление инвективной единицы

«грёбаная» помогает эффективно снять стресс и выплеснуть негативные эмоции.

1 сентября 2021 года Владимир Соловьёв в прямом эфире сделал заявление зрителям о том, что ФБК (Фонд борьбы с коррупцией – признан экстремистской организацией в России) – это *«сборище вымогателей»*. В данном случае адресант в инвективной форме называет объект коммуникации устоявшимся инвективным определением, которое является выражением истины. Языковая единица «вымогатель» – это констатация факта, что является неотъемлемым признаком номинативной функции инвективной лексики.

В том же выпуске от 1 сентября 2021 года известный журналист Владимир Соловьёв в своей передаче «Соловьёв LIVE» прокомментировал задержание в Татарстане сотрудника Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) Георгия Албурова и двух его помощников, которые собирали информацию о частной жизни граждан, чтобы потом перепродать ее через латвийскую компанию. Телеведущий в прямом эфире обратился непосредственно к задержанному Албурову: «Ты что, *дурак?* Ты понимаешь, что ты влез в частную жизнь людей? Кто тебе сказал, что ты имеешь право их снимать, *морда тупая?!*». В данном контексте номинативные единицы «дурак» и «морда тупая» используется адресантом как средство прямого обвинения в том или ином отклонении от нормы, что является признаком инвективной функции, входящей в качестве одной из подгрупп в состав волюнтативной категории.

30 июня 2020 года Владимир Соловьёв в прямом эфире передачи «Полный контакт» пытался в грубой форме воззвать к совести зрителей, которые оправдывают историка Олега Соколова, убившего свою девушку: «Вы *башкой поехали?!*». Выражение «башкой поехали» здесь выступает оценочным высказыванием, которое имеют интенцию вразумить, предостеречь аудиторию от неправильных, деструктивных выводов, что

является признаком дидактической функции, входящей в качестве одной из подгрупп в состав волюнтаривной категории.

28 апреля 2022 года произошёл скандал. Губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев записал видеообращение Владимиру Соловьёву, на которое журналист отреагировал в прямом эфире. Телеведущего задело высказывание «следить за языком» от губернатора в его адрес, после чего Соловьёв сравнил Куйвашева с «ворами в законе» и предположил, что под рубашкой у него есть «воровские звезды». Журналист добавил: «Ты мне по понятиям, что ли, пытаешься предъявить? Это что было – «следить за языком»? Ты *стрелку*, что ли, забиваешь, губернатор? Уралмашевское прошлое сказывается?». Назначение Владимира Соловьёва в данных высказываниях – встретить понимание у оппонента, убедиться, что у них одинаковые взгляды на одни и те же сведения, поэтому он переходит на жаргонизмы. Исходя из этого, делаем вывод, что в данном обращении реализуется фатическая функция инвективной лексики.

Таким образом, во втором параграфе на основе 479 ситуаций, в которых реализовывались функции инвективной лексики, замеченных при отборе языкового материала в выступлениях медиаперсоны на телевидении и в интернете, мы выяснили, что наиболее часто реализуемая функция в инвективных сообщениях Владимира Соловьёва является аксиологическая (функция оценки). Инвективы данной функции составляют 38% от общего количества инвектив, которые реализуют прочие коммуникативные функции инвективного журналистского дискурса. Дидактическая функция в речах Владимира Соловьёва выражена меньше всех – всего лишь 5% найденных инвектив отражают намерение говорящего побудить к действию, предостеречь от губящих решений, похвалить или осудить правильные/неправильные поступки адресата. Одна из главных функций инвективной лексики – оскорбительная (в классификации Саржиной она именуется как «инвективная» – выражена средне (16% инвектив реализуют данную функцию).

2.3 Стилистические особенности инвектив в речи Владимира Соловьёва

Теперь проанализируем высказывания Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете с точки зрения стилистики. Как мы знаем, стилистические особенности инвективной лексики напрямую зависят от интенции говорящего. В зависимости от цели адресант определяет, какой стилистический окрас он придаст той или иной номинации. Чтобы понять, какая категория помет наиболее представлена в речах медиаперсоны, необходимо целиком рассмотреть языковой материал в соответствии с составленной нами классификацией по словарным пометам. В ходе работы было отмечено свыше 500 употреблений инвективных единиц Владимиром Соловьёвым. В таблице 7 приведена классификация инвективной лексики медиаперсоны с опорой на словарные пометы.

Таблица 7 – Классификация инвективного лексикона В. Соловьёва по стилистическим пометам

Помета	Инвективные единицы	Количество упоминаний
<i>Бран. и груб.</i>	<i>Шкура</i>	17
	<i>Гнида</i>	30
	<i>Дегенерат</i>	9
	<i>Кретин</i>	14
	<i>Свинья</i>	13
	<i>Животное</i>	10
	<i>Сволочь</i>	22
	<i>Скотина</i>	16
	<i>Мразь</i>	67
	<i>Дерьмо</i>	26
<i>Презрит.</i>	<i>Зажравшийся</i>	1
	<i>Ворьё</i>	8
	<i>Ничтожество</i>	29
	<i>Либерота</i>	12
	<i>Омерзительный</i>	34
	<i>Мерзость</i>	66
<i>Пренебр.</i>	<i>Неуч</i>	5
	<i>Дремучий</i>	3
	<i>Фрик</i>	2
	<i>Слизняк</i>	4
	<i>Сопляк</i>	7

Продолжение таблицы 7

Помета	Инвективные единицы	Количество упоминаний
<i>Грубо-прост.</i>	<i>Негодяй</i>	58
	<i>Подонок</i>	25
	<i>Жулик</i>	11
<i>Уничижит.</i>	<i>Дурак</i>	31
	<i>Идиот</i>	23
	<i>Тупой (тупоголовый)</i>	37
<i>Дисф.</i>	<i>Морда</i>	28
	<i>Чердак (голова)</i>	2
	<i>Харя</i>	4
	<i>Купол (голова)</i>	1
	<i>Рожя</i>	19
<i>Вульг.</i>	<i>Обосранный</i>	1
	<i>Ссыкло</i>	3
	<i>Ссать</i>	2
	<i>Гадить</i>	13

Исходя из таблицы 7, можно проследить, что наиболее частотными в речевом употреблении являются инвективы, промаркированные стилистической словарной пометой *бран. и груб.* Полноценную картину частотности на основе стилистических помет можно увидеть на графике (рисунок 4).

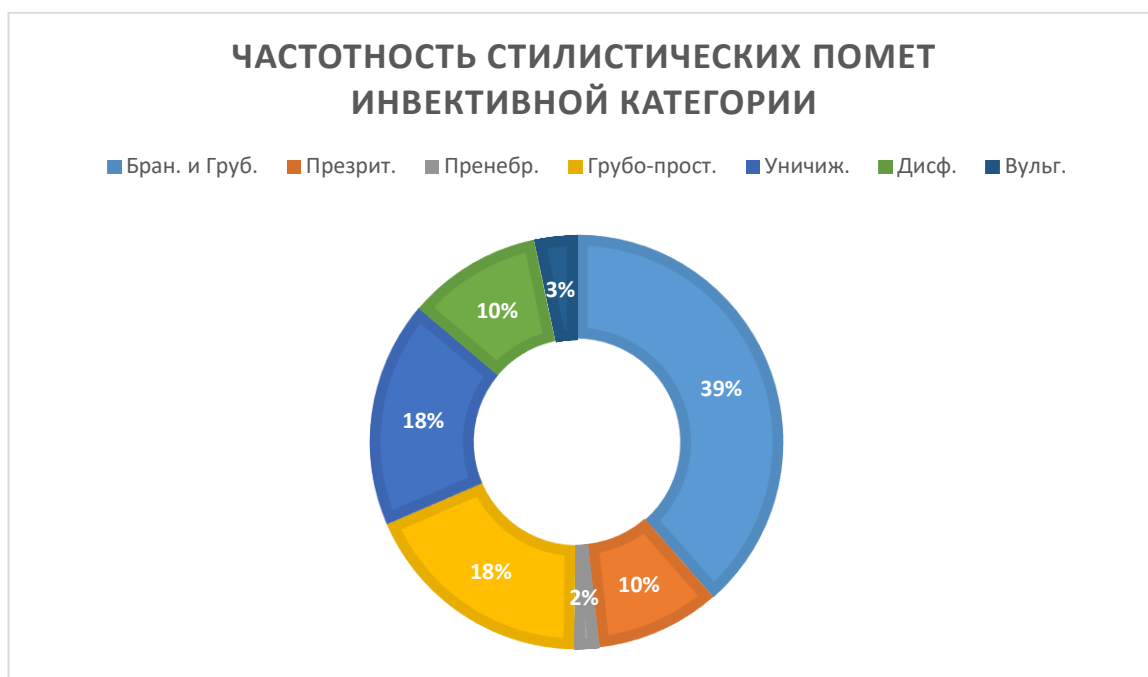

Рисунок 4 – Частотность использования инвектив по стилистическим признакам в выступлениях В. Соловьёва

Инвективы с пометой *бран. и груб.* составляют 39% от общей массы инвектив, которые промаркированы другими стилистическими пометами инвективного журналистского дискурса. Инвективы с пометами *пренебр. и вульг.* в выступлениях Владимира Соловьёва представлены меньше всех – лишь 3% и 2% найденных инвектив маркируются в словарях данными обозначениями. Инвективы с пометами *грубо-прост.* и *уничиж.* имеют среднюю интенсивность – по 18% на каждую, однако в совокупности они составляют внушительную цифру в 36%, что всё равно меньше количества инвектив с пометой *бран. и груб.*

Необходимо отметить, что в таблице 7 инвективные единицы представлены не в полном количестве. Это связано с объёмным языковым материалом, который был отобран для анализа. Многие инвективы повторяются, реализуют в речи медиаперсоны одну и ту же функцию. Приведённая таблица является примером систематизации инвектив по коммуникативным функциям, и она может дополняться экспертами в дальнейших исследованиях.

В удалённом отрывке прямого эфира интернет-программы «Полный контакт» от 23 апреля 2020 года Владимир Соловьёв отреагировал на провокационный комментарий, выведенный на экран в студии. После обсуждения комментария журналист обратился к редакторам передачи и администраторам чата прямых эфиров: «Извольте чистить ленту от навалновских *дегенератов-кретинов!*». В словарях приведённые языковые единицы «дегенерат» и «кретин» помечены как *бран.*, и, следовательно, опираясь на нашу классификацию инвективной лексики по словарным пометам, сочетание попадает в категорию *бран. и груб.*

В прямом эфире политического ток-шоу «Полный контакт» от 31 октября 2020 года Владимир Соловьёв высказался в адрес директора общественной организации «Открытой России» Андрея Пивоварова: «Это *ничтожество* решило, что имеет право говорить от лица России?..». В большинстве литературных словарей приведённая языковая единица

«ничтожество» помечена как *уничиж.*, однако сборник В.В. Химика маркирует её как *презрит.*, отмечая, что слово может быть выражена как констатация факта. Следовательно, опираясь на нашу классификацию инвективной лексики по словарным пометам, номинация будет входить в категорию *презрит.*

16 апреля 2020 года телеведущий посвятил прямой эфир ответному обращению к давнему коллеге Василию Уткину. В этом же выпуске по завершении программы Соловьёв высказал мнение, что таких как Уткин – главного нынешнего соперника в журналистском сообществе – спонсирует олигарх Михаил Ходорковский, и за это журналист призвал бизнесмена к ответу: «Ходор, говори сам со мной, что ты мне *сопляков* своих на разборки подсылаешь?». Номинативная единица «сопляк» указывается в словарях как *пренебр.* в значении «маленького ребёнка, мальчишки». Владимир Соловьёв намекает на мелочность своего оппонента в лице Василия Уткина, которого он легко может победить в споре. Следовательно, опираясь на нашу классификацию инвективной лексики по словарным пометам, номинация будет входить в категорию *презрит.*

В выпуске прямого эфира от 8 октября 2021 года Владимир Соловьёв прокомментировал предстоящий бой на ринге между актёром Никитой Джигурдой и депутатом Государственной думы Виталием Милоновым. Свой комментарий он закончил следующим высказыванием: «Теперь от *фриков*, переходим к более серьёзным новостям». Опираясь на словари, можно выяснить, что номинативная единица «фрик» обозначает представителя субкультуры, отличающегося яркой, несообразной, вычурной внешностью и/или чудным поведением. Несмотря на малую степень инвективности, это инвективное просторечие, и опираясь на нашу классификацию инвективной лексики по словарным пометам, номинация будет входить в категорию *грубо-прост.*

В выпуске от 10 февраля 2022 года Владимир Соловьёв высказался в отношении генерала-полковника Вооружённых сил Украины, начальника

Главного управления разведки Министерства обороны Украины Василия Бурбы, который проговорил СМИ разведывательные данные: «Если руководитель внешней разведки начинает трюндеть такое!.. Это чистый *идиот!*». Номинативная единица «идиот» в данном случае является литературной формой унижения адресата. Опираясь на нашу классификацию инвективной лексики по словарным пометам, номинация будет входить в категорию *уничиж.*

11 августа 2021 года в прямом эфире Владимир Соловьёв в ответ на оскорбительные выражения актёра Алексея Панина, высказанные в адрес народной артистки СССР Лии Ахеджаковой, не выдержал и обратился к зрителям с просьбой: «Всем, кто увидит эту гниду! Пожалуйста, плюньте при встрече ему в *рожу!*». Номинативная единица «рожа» здесь является дисфемизмом – переходом от изначально нейтрального понятия «лицо» на более грубое «рожа». Опираясь на классификацию инвективной лексики по словарным пометам, номинация будет входить в категорию *дисф.*

13 сентября 2021 года Владимир Соловьёв в прямом эфире авторской передачи прокомментировал возбуждение уголовного дела в отношении комика Идрака Мирзализадзе: «Нашего Идраса «*обосранного* матраса» Мирзализадзе оказывается с его слов очень жёстко прессанула судебная система». Номинативная единица «обосранный» в данном контексте – это вульгаризм, отсылающий к неудачной шутке, произнесена на концерте Мирзализадзе, и рифмующийся с его коверканным именем. Опираясь на классификацию инвективной лексики по словарным пометам, номинация будет входить в категорию *вульг.*

Таким образом, в третьем параграфе второй главы на основе свыше 500 употреблений инвективных единиц Владимиром Соловьёвым, мы выяснили, что наиболее частотными в речевом употреблении являются инвективы, промаркированные стилистической словарной пометой *бран. и груб.* Инвективы с пометой *бран. и груб.* составляют 39% от общей массы инвектив, которые промаркированы другими стилистическими пометами инвективного

журналистского дискурса. Инвективы с пометами *пренебр.* и *вульг.* в выступлениях Владимира Соловьёва представлены меньше всех – лишь 3% и 2% найденных инвектив маркируются в словарях данными обозначениями. Инвективы с пометами *грубо-прост.* и *уничиж.* имеют среднюю интенсивность – по 18% на каждую, однако в совокупности они составляют внушительную цифру в 36%, что всё равно меньше количества инвектив с пометой *бран.* и *груб.*

Выводы по второй главе.

В рамках второй главы был рассмотрен языковой материал из выступлений Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете. Было проанализировано 150 примеров высказываний инвективного характера, отсмотрено 50 выпусков телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и 50 выпусков YouTube-программы «Полный контакт». На рассмотрение были взяты материалы от марта 2019 года до июня 2022 года.

В ходе работы выяснилось, что наиболее частотной по употреблению в речи журналиста является тематическая группа «слов и выражений о лицах с подчёркнуто отрицательными характеристиками». Из тематических подгрупп наиболее частотной оказалась тематика «подлости, низости», безнравственном поведении адресата

Наиболее распространёнными номинативными единицами в речи Владимира Соловьёва являются слова «мразь» и «негодяй».

Наиболее часто реализуемая функция в инвективных сообщениях Владимира Соловьёва является аксиологическая (функция оценки).

Наиболее частотными в речевом употреблении являются инвективы, промаркированные стилистической словарной пометой *бран.* и *груб.*

Заключение

Итогом исследования можно считать достигнутую посредством решения поставленных задач цель. По мере ее достижения были получены следующие результаты:

1. Было выяснено, что среди учёных существует три понимания термина «инвектива/инвективная лексика: как оскорбление, как тип речи, как речевой/литературный жанр. Оскорбление регулируется УК РФ (ст. 130) и КоАП РФ (ст. 5.61). Инвективная лексика как тип речи не регулируется законодательством, если она инвектива в речи не выражена в форме оскорбления и не доказана умышленность её употребления. Инвектива как жанр не входит в компетенции лингвокриминалиста, а принадлежит сферам культурологии и литературоведения.

2. Изучив имеющиеся систематизации инвектив, мы определили, что:

- по типу инвективная лексика разделяется на обценные номинации, на слова со сниженной эмоционально-стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие), на грубо-просторечная (бранная) лексику и литературная лексика с негативной оценкой в презрительной модальности;

- по лексико-тематическим группам наиболее содержательна классификация В.М. Мокиенко, где инвективы систематизируются по отрицательным характеристикам, по теме частей тела, по теме полового акта, по теме физиологических функций человека, по теме «результата» физиологических отправления;

- в публичном журналистском дискурсе уместны следующие коммуникативные функции инвективной лексики: экспликативная (её подвиды: дескриптивная, аксиологическая, катарсическая), номинативная, волюнтаривная (её подвиды: инвективная, дидактическая) и фатическая.

3. Рассмотрев перечень словарей XXI века, мы составили собственную классификацию инвективной лексики по стилистическим словарным пометам, отражённую в таблице 3 первого параграфа.

4. Контекст употребления инвективной лексики в выступлениях журналиста Владимира Соловьёва заключается в том, что речевые возможности медийной персоны ограничены уголовными, административными и федеральными законами, в то время как в Интернете ограниченность высказываний сведена к минимуму.

5. На примере отобранного языкового материала мы провели анализ характерной инвективной лексики Владимира Соловьёва. Было проанализировано 150 примеров инвектив, рассмотрено 50 выпусков телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и 50 выпусков YouTube-программы «Полный контакт» в рамках политическом шоу «Соловьёв LIVE». На рассмотрение были взяты материалы от марта 2019 года до июня 2022 года.

На основании 98 номинативных единиц, найденных во время отбора языкового материала в выступлениях Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете, мы выяснили, что наиболее частотной по употреблению в речи журналиста является тематическая группа «слов и выражений о лицах с подчёркнуто отрицательными характеристиками». Инвективы из данной группы составляют 84% от общей массы инвектив, найденных во время анализа выступлений Владимира Соловьёва. Журналист меньше всего затрагивает тематическую группу «слов/выражений, связанных с совершением полового акта» – всего лишь 1% инвектив. Из тематических подгрупп наиболее частотной оказалась тематика «подлости, низости», безнравственном поведении адресата – 49% от общего количества инвектив, найденных во время отбора языкового материала Владимира Соловьёва. Телеведущий меньше всего прибегает к тематике «проституции, продажности» людей – в ходе исследования обнаружено всего лишь 11% инвектив, которые использовались в речи. Также было выяснено, что журналист преимущественно использует инвективы типа литературной

лексики с отрицательной оценкой в презрительной модальности. Меньше всего Владимир Соловьёв отдаёт предпочтение инвективам типа лексика со сниженной стилистической окраской. Наиболее распространёнными номинативными единицами в речи Владимира Соловьёва являются слова «мразь» и «негодяй». Первая единица «мразь» была использована в выступлениях 67 раз, а вторая единица «негодяй» – 58 раз. Наименее употребляемыми в речи номинативами являются слова «гнилозубка» (использовано всего один раз), «помойка» (использовано два раза), «фрик» (использовано два раза).

На основе 479 ситуаций, в которых реализовывались функции инвективной лексики, замеченных при отборе языкового материала в выступлениях медиаперсоны на телевидении и в интернете, мы выяснили, что наиболее часто реализуемая функция в инвективных сообщениях Владимира Соловьёва является аксиологическая (функция оценки). Инвективы данной функции составляют 38% от общего количества инвектив, которые реализуют прочие коммуникативные функции инвективного журналистского дискурса. Дидактическая функция в речах Владимира Соловьёва выражена меньше всех – всего лишь 5% найденных инвектив отражают намерение говорящего побудить к действию, предостеречь от губящих решений, похвалить или осудить правильные/неправильные поступки адресата. Одна из главных функций инвективной лексики – оскорбительная (в классификации Саржиной она именуется как «инвективная» – выражена средне (16% инвектив реализуют данную функцию).

На основе свыше 500 употреблений инвективных единиц Владимиром Соловьёвым, мы выяснили, что наиболее частотными в речевом употреблении являются инвективы, промаркированные стилистической словарной пометой *бран. и груб.* Инвективы с пометой *бран. и груб.* составляют 39% от общей массы инвектив, которые промаркированы другими стилистическими пометами инвективного журналистского дискурса. Инвективы с пометами *пренебр. и вульг.* в выступлениях Владимира Соловьёва представлены меньше

всех – лишь 3% и 2% найденных инвектив маркируются в словарях данными обозначениями. Инвективы с пометами *грубо-прост.* и *уничиж.* имеют среднюю интенсивность – по 18% на каждую, однако в совокупности они составляют внушительную цифру в 36%, что всё равно меньше количества инвектив с пометой *бран. и груб.*

Результаты исследования представлены в таблице 4 («Тематические группы инвектив в выступлениях Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете»), таблице 5 («Тематические подгруппы инвектив категории, подчёркивающей отрицательные характеристики адресата»), таблице 6 («Особенности коммуникативных функции инвективной лексики в речах Владимира Соловьёва»), таблице 7 («Классификация инвективного лексикона журналиста по стилистическим пометам»), а также в рисунке 1 («Схема частотности лексико-тематических групп инвективной лексики, употребляемой Владимиром Соловьёвым на телевидении и в интернете»), рисунке 2 («Схема частотности тематических подгрупп категории, подчёркивающей отрицательные характеристики адреса»), рисунке 3 («Схема частотности коммуникативных функций инвективной лексики, реализуемых в выступлениях Владимира Соловьёва на телевидении и в интернете») и рисунке 4 («Схема частотности использования инвектив по стилистическим признакам в выступлениях Владимира Соловьёва»).

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аристова В.Н. Французская инвективная лексика и проблема ее классификации / Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 14, № 1. 2016. С. 86-93.
2. Большой академический словарь русского языка. М. : [ред.: Л.И. Балахонова] Наука; СПб. : Наука, 2004. Т. 1. 664 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. 1534 с.
4. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К.И. Бринев; под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. 251 с.
5. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 5-29.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического анализа / И. Р. Гальперин. М.: Наука, 1974. 137 с.
7. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии в рассказах В.М. Шукшина / Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник науч. ст. / Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. №2. С. 158-171.
8. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8-41.
9. Демидов О.В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2004 / 1 (11). С. 90-94.

10. Ерофеева Е.В. Речевой акт оскорбления как коммуникативный ход инвективной стратегии во французском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 11 (29) 2013, часть 2. С. 96-98.

11. Жельвис В.И. Грубость: проблема классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект) : Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. М., Кострома, 2008. С. 71-76.

12. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В.И. Жельвис. 2-е изд. доп. М. : Ладомир, 2001. 349 с.

13. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи : Психолингв. интерпретация речевого воздействия / В.И. Жельвис; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, Яросл. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль : ЯрГУ, 1990. 81 с.

14. Закон РФ «О средствах массовой информации» (О СМИ), n 2124-1 | ст. 3 от 27.12.1991. URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-o-smi/3/> (дата обращения: 20.12.2021).

15. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 20 ноября 2007 г. № 41-О07-84. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_39002.htm (дата обращения: 20.12.2021).

16. Киселева Л.А. О некоторых типах лексического значения слов // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. Труды по русскому языку. Т. 324. Л., 1969. С. 270-275.

17. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/74754240d170cc049cd7b313852fd5985eb0aafc/ (дата обращения: 20.12.2021).

18. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. II. Семантические классы экспрессивов русского языка //

Экспрессивность лексики и фразеологии : сб. науч. трудов. Новосибирск, 1983. С. 12-41.

19. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., «Советская энциклопедия», 1990. 670 с.

20. Мека В.С. Особенности речевой агрессии в СМИ (на материале англо- и русскоязычных масс-медиа). ВКР // «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»). 67 с.

21. Митин А.Н. Тот, кто первым обругал соперника, заложил основы современной цивилизации. Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3(20). С. 29-34.

22. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. Русистика. Берлин, 1994, № 1/2. С. 50-73.

23. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: сб. статей / под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. М.: Русский язык, 1986. С. 102-117.

24. Нагуар З.К. Типология инвективной лексики в разносистемных языках (на материале русского, немецкого и адыгейского языков) // Рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». Выпуск 1 (152) 2015. С. 78-85.

25. Никитин О.В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова) // Мир русского слова. №3. 2016. С. 27-40.

26. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 486 с.

27. Панов Ю.А. Влияние социально-экономических процессов на экспансию сниженной лексики в современном русском языке // Языковая структура и социальная среда : межвуз. сб. научных трудов студентов.

Воронеж, 2000. URL: http://tpl1999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm#_Точ483136408.

28. Паршина О.Д. Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 2. С. 126-129.

29. Паршина О.Д. К вопросу о лексикографическом описании дидактических терминов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 7. С. 34-40.

30. Паршина О.Д., Шадрин А.А. Средства актуализации значения лексемы «глушь» как репрезентанта семантики провинциальности // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : Материалы XIII Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года. СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2022. С. 20-23.

31. Письменный Е.В. Мифологические основы пенитенциарной инвективы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011 / 4 (28). С. 77-79.

32. Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 30.06.05 / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2005. 19 с.

33. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медия, 2004. 328 с.

34. Посиделова В.В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка. Философия права. № 2 (75), 2016. С. 13-17.

35. Реутова С.Н. К вопросу о генезисе жанра инвективы // Вестник Оренбургского государственного университета. Литературоведение. 2007. №77. С. 17-22.

36. Русанова И.Ю. Проблема изучения высказываний со значением «порицание» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 22 (203). Филология. Искусствоведение. Вып. 46. С. 112-114.

37. Саржина О.В. Функции инвективной лексики в высказывании (на примере инвективных имен лица) // ЮРИСЛИНГВИСТИКА. №6. 2005. С. 67-87.

38. Словарь иностранных слов : Актуал. лексика. Толкования. Этимология / [Н. С. Арапова и др.]. 2. изд., доп. М. : Цитадель, 1999. 335 с.

39. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М. : Просвещение, 1985. 400 с.

40. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. 88405 с.

41. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 05.04.2013 N 34-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144614/ (дата обращения: 17.12.2021).

42. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» от 05.05.2014 N 97-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 20.12.2021).

43. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» от 29.07.2017 N 276-ФЗ (последняя редакция). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221230/ (дата обращения: 24.12.2021).

44. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» от 30.12.2020 N 530-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700/ (дата обращения: 29.12.2021).

45. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2-х томах. СПб : Златоуст, 2017.

46. Acke, H. Hornscheidt, A.L., Jana, I. Einleitung (Introduction). In A.L. Hornscheidt, I. Jana, H. Acke (Eds.), Schimpfwörter – Beschimpfungen – Pejorisierungen. Wie in Sprache Macht und Identitäten verhandelt werden (Swear Words – Insults – Pejorations. How Power and Identities are Negotiated in Language)., Frankfurt/ Main: Brandes & Apsel, 2011. pp: 7-14.

47. Arena, V. Roman Oratorical Invective. A Companion to Roman Rhetoric, edited by Dominik, W. / Hall, J. Malden MA-Oxford: Blackwell, 2007, pp. 149-160.

48. Ansuategui, A.D. Incitement to Violence in Late Republican Political Oratory. Political Communication in the Roman World, edited by Rosillo-López, C. Leiden: Brill, 2017, pp. 181-200.

49. Booth, J. Cicero on the Attack: Invective and Subversion in the Orations and Beyond. Swansea: The Classical Press of Wales, 2007. 216 p.

50. Corbeill, A. Ciceronian Invective. Brill's Companion to Cicero: Oratory and Rhetoric, edited by May, J.J. Leiden: Brill, 2002, pp. 197-217.

51. Dunkle, J.R. The Greek Tyrant and Roman Political Invective in the Late Republic. T&P APhA, 98, 1967. pp. 151-171.

52. Formentelli, M. Monti, S. Translating Slanguage in British and American Films: A Corpus-based Analysis. In M. Pavesi, M. Formentelli, E. Ghia (Eds.), The Languages of Dubbing. Mainstream Audiovisual Translation in Italy. Berlin: Lang, 2014. pp: 169-195.

53. Hans-Harry Droessiger. On Evaluative Conceptualizations of Swear Words and Invectives / Athens Journal of Philology. Volume 4, Issue 3. 2017. pp. 201-218.

54. Hundsnurscher, F. Streitspezifische Sprechakte: Vorwerfen, Insistieren, Beschimpfen (Specialized Speech Acts of Argument: Accusing, Insisting, Swearing). In G. Preyer, M. Ulkan, A. Ulfig (Eds.) *Intention – Bedeutung – Kommunikation. Kognitive und handlungstheoretische Grundlagen der Sprechakttheorie (Intention – Meaning – Communication. Foundations of Speech Act Theory from Points of View of Cognitive and Action Theory)*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. pp: 363-375.

55. Steel, C. Van der Blom, H. *Community and Communication. Oratory and Politics in Republican Rome*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 401 p.

56. Van der Blom, H. *Character Attack and Invective Speech in the Roman Republic: Cicero as Target*. *Character Assassination throughout the Ages*, edited by Icks, M. / Shiraev, E. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014, pp. 37-57.

57. Van der Blom, H. *Historical exempla as Tools of Praise and Blame in Ciceronian Oratory*. *Praise and Blame in Roman Republican Rhetoric*, edited by Smith, C. / Covino, R. Swansea: Classical Press of Wales, 2011, pp. 49-68.

Приложение А

Сокращения и расшифровка типовых и стилистических маркеров инвективной лексики

По типу:

Обсцен. – мат, нецензурная лексика (обсценные номинации);

Сниж. – лексика со сниженной эмоционально-стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие);

Груб-прост. – грубо-просторечная (бранная) лексика;

Литер. – литературная лексика с негативной оценкой в презрительной модальности.

По стилистическим словарным пометам:

Бран. и *груб.* – бранные и грубые слова/выражения.

Презрит. – слова и выражение с презрительным оттенком.

Пренебр. – слова и выражение с пренебрежительным оттенком.

Грубо-прост. – грубо-просторечные слова и выражения.

Уничиж. – слова и выражение, имеющие в своём значении намерение унижить.

Дисф. – дисфемизм.

Вульг. – вульгарные слова и выражения, чаще всего связанные с пошлостью.